



Судьбы Холокоста



№ 2



РЕКВИЕМ

Увалы Дробицкого Яра
огнем осеннего пожара
 испепеляюще горят.
В траве и ветках дикой груши
парят расстрелянные души,
горюют, молятся, скорбят.
Вот этот кустик цвета меди
носил когда-то имя Мендель,
он был сапожник и трепач.
Тот одуванчик на полянке

мать восходила на Голгофу,
собой прикрывши малыша.
Хор автоматов монотонно
отпел библейскую Мадонну,
Мольбы и выкрики глуша.
Я – тот малыш, и невидимкой
лежу с убитыми в обнимку
в том окровавленном яру.
С презрительной нашивкой "юде"
среди затравленного люда.



никто иной, как ребе Янкель,
веселый харьковский скрипач.
В ромашке – призрак человека;
библиотекарша Ревека
вдыхает солнечную пыль.
А там, в круженьи листьев прелых,
танцует вечный танец "Фрейлехс"
босая девочка Рахиль.
"Жи-ды!..." – предатели орали,
когда толпу фашисты гнали
сюда, на тракторный завод.
Людей в евреях отрицая,
толкали в яму полицаи
калек, и старцев, и сирот.
Как вещей символ катастрофы,

Я – мертв...И дважды не умру.
Давным-давно все это было...
Но черносотенного пыла
не оградили реки слез.
Не жаль погромщикам усилий,
чтоб в старом эйхмановском стиле
еврейский разрешить вопрос.
На склонах Дробицкого Яра
от оружейного угара
еще туманится роса.
И тридцать тысяч монолитно,
как поминальную молитву,
возносят к небу голоса.

Зиновий Вальшонок.



Дорогие читатели!

После выхода в свет первого номера журнала "Судьбы Холокоста" мы получили много писем. В них, в основном, слова благодарности, новые истории, новые судьбы. Но часто проскакивала и мысль о том, что невозможно без внутреннего содрогания читать о зверствах фашистов. Иногда лекарство бывает горьким и невкусным, но ради выздоровления мы от него не отказываемся, верно?

Общество предпочло бы забыть о Холокосте. Кто-то из чувства вины, иные – просто ради спокойствия душевного, третьи – по молодости – мало что знают, им нечего помнить. Нет памяти, и общество "заболевает". Оно может заболеть смертельно – например, фашизмом. Этого мы, все вместе, не должны допустить.

Я хочу, чтобы наши дети, сохранили и запомнили, что случилось с нами.

Я хочу, чтобы они читали сами, дали своим уже детям и своим внукам, когда те подрастут. Пусть наши потомки знают, что их соплеменников убивали только за то, что они родились евреями.

Я хочу, чтобы цепочка памяти не прерывалась на этой земле.

Иногда мне снится сон, в котором я иду в длинной очереди к смерти. Иду одна. Мама и папы рядом нет. Иду молодая, красивая, полная жизни и желаний. Несу в себе свои воспоминания, любовь к родителям и хотела бы нести это долго-долго. Вспоминаю самые счастливые прожитые дни. В них всегда есть моя мама. Красивая. Молодая. И вдруг я начинаю понимать, что время моей оставшейся жизни равно длине этой очереди к смерти, в которой я нахожусь

Чья-то сильная рука толкает меня в спину, и я падаю. На меня валятся другие люди. А я кричу: я жива, не зарывайте меня, я жива еще! А на меня падают и падают люди. Они не слышат меня, потому что в них влетел свинец. И в своем сне я вижу, как этот свинец попадает в них. Вижу их сердца – они большие и красные, пылающие, как солнце. Мне уже очень-очень больно – на меня легло тысячи человеческих тел, внутри которых сидит свинец. Свинцовые сердца давят на меня все сильнее, все страшней. А я все кричу и кричу: выпустите меня, ведь я жива! Кричу и просыпаюсь...

Просыпаюсь и живу. И ничего не забываю...

Руководитель проекта "Судьбы Холокоста"
Людмила Барановская

Проект "Судьбы Холокоста"

воплощает в жизнь амуту

"Международная помощь Израилю" –

HIS International.

Генеральный директор амуты

Алёна Кац-Заикин

(№ 580421121) – "עזרה ישראלית בינלאומית" עמותה



Автор и руководитель проекта

"Судьбы Холокоста"

Людмила Барановская

l_baranovskaya@yahoo.com

.....

Главный редактор

Ирина Грушина

Арт-директор

Рувим Киль

Издательство

"Пресс-центр"

Адрес редакции:

58325, Холон, ул. Бялик, 40

Телефон/факс редакции

03-6521827

www.press-center.co.il



СОДЕРЖАНИЕ



От хвороста тянет дымок,
Огонь показался у ног
И громче напев погребальный.
И мгла не мертва, не пуста,
И в ней начертанье креста —
Конец мой, конец огнепальный!
Мать Мария

6-7 стр. СУДЬБЫ

"Мы похоронили маму в яме..."

8-9 стр. СУДЬБЫ

Могилы в сердце

10-11 стр. ДОПРОС

В живых остался один из пяти

12-13 стр. ХОЛОКОСТ СЕГОДНЯ

Поиск убийц не закончен

Неизданные письма Альберта Шпеера

Обнаружены письма отца Анны Франк

14-15 стр. СВИДЕТЕЛИ

Майданек глазами Константина Симонова

Самая маленькая узница

Лилипуты – любимцы Менгеле

Раввин, освобождавший концлагерь

16-17 стр. УЛИКИ

"Еврейская акция" в Каменец-Подольском

18-25 стр. БИБЛИОТЕКА

Убийство евреев в Бердичеве

26-27 стр. ПАМЯТЬ

Гибель еврейской Атлантиды

28-29 стр. СУДЬБЫ

Мой номер горя – 181851

На каждом шагу нас поджидала смерть

Я вышла живой из "Мертвой петли"

Заложники смерти

СОДЕРЖАНИЕ



30-31 стр. **СУДЬБЫ**

Каждый день умирало человек двадцать

32-33 стр. **СВИДЕТЕЛИ**

"Они выпускали крик ужаса..."

Ветер с Майданека

34-35 стр. **ЛАГЕРЬ СМЕРТИ**

Сроку давности не подлежит

36-43 стр. **ПРАВЕДНИК МИРА**

Одна спасенная жизнь...

Без Надежды не было бы надежды

Ради любимых женщин

Графиня Мария

Мать Мария

Остаться человеком

44 стр. **ЛАГЕРЬ СМЕРТИ**

И в аду были люди

45 стр. **ГЕТТО**

Еврейское сопротивление

46-47 стр. **ЛАГЕРЬ СМЕРТИ**

63 года со дня освобождения Освенцима

48-51 стр. **ПАЛАЧИ**

Ангел смерти Йозеф Менгеле

52-53 стр. **ГЕТТО**

Гетто или концлагерь?

54-59 стр. **ГЕТТО**

Поймай младенца на штык

820 дней Минского гетто



Моей блуждающей души
Я к вам таю любовь сыновью,
И в час уныний, в час скорбей,
Я чувствую, что я еврей!

Илья Эренбург





Вновь оглянувшись назад,
взвесим, оценим
путь, что пролег через ад
к далям весенним.
Полною грудью вдохнем
воздух свободы,
мы, кто испытан огнем
в черные годы...

Макс Циммеринг



его отправили в детский дом для сирот, а меня – в синагогу на улице Семякина. Здесь оказалось довольно много молодых и старых евреев. Пол был деревянный, и на нем у каждого заключенного было свое место. Каждое утро нас гнали на работу под присмотром полицейских. Иногда нас охраняли румыны или итальянцы. Если подобное случалось, я всегда получал от них какую-нибудь еду. Они давали булочки, макароны, совсем чуть-чуть, но я был страшно рад и этому. Я относил все брату.

Детский дом для сирот вмещал 140 детей. Мальчики были совершенно отрезаны от всего мира. Условия их содержания были ужасны, они страшно голодали. А привозили все новых и новых детей. Потом фашисты решили распределить всех детей по семьям. Так мой брат попал к хозяину, у которого находился до дня освобождения.

Меня освободили раньше, в марте 1944 года. Я переживал за Давида и... все время думал о маме. Побывал там, где мы ее похоронили. Вернувшись в Сокиряны, я спрашивал у всех знакомых, остался ли в живых кто-то из наших. Но все было бесполезно. Никто ничего не знал. Война еще продолжалась, и я решил оставаться в местечке, надеясь, что объявится кто-либо из родных.

Мой младший брат Давид все еще работал на хозяина с утра до ночи. Ему было уже 14 лет. Однажды он не выдержал и ушел от хозяина. Непонятно, каким образом добрался до железной дороги. Там дождался поезда, идущего в нашу сторону, залез в паровоз и спрятался в угольной яме. Так переехал границу между Румынией и Бессарабией, и в скором времени добрался до нашего местечка.

Здесь мы встретились в июле 1944 года. Теперь нам вдвоем стало намного легче жить. Ведь каждый из нас чувствовал, что он не один, рядом брат.

В 1945 году в 17 лет меня призвали в армию. Когда я демобилизовался, мне было 24 года. Я был сержантом и имел медаль "За отвагу".

В 1952 году я женился. Поселились мы с женой в Бринчанах. У нас родилось двое детей. В этом местечке мы прожили до 1972 года, до самого переезда в Израиль. Первым туда перебрался мой брат Давид. Он и прислал нам вызов.

В 1992 году умерла моя жена. В это время нашей дочери Белле было 18 лет, а сыну Менделю – 13. В настоящее время у Беллы уже своя семья. У нее трое детей: старший сын Хен уже отслужил в танковой дивизии Армии обороны Израиля и сейчас работает; дочь Бенцио-

на тоже служила – на военном корабле. Сейчас она учится. Младшему моему внуку 12 лет

Мой сын Мендель служил в парашютных войсках, участвовал в военных действиях 1980 года. С войны вернулся живым и невредимым. Он женился, у него двое детей: дочь служит в армии, и сын учится, ему 17 лет. Мендель и его жена работают в полиции.

Я участвовал во всех войнах Израиля. Имею немало наград от Армии Обороны Израиля.

И горжусь тем, что получил награды за боевые заслуги на своей исторической Родине, не меньше, чем тем, мои дети и внуки подхватили эстафету служения Родине.

С 1988 года я – пенсионер. Живу в Холоне. Почти вся моя семья погибла, сгорела в огне Холокоста. Мне повезло, мой род продолжается – здесь, в моей стране.

Поиск завершен

В своих воспоминаниях Михаил Розенберг написал о том, что с 1923 года он никогда не видел своего старшего брата. Помните: "В это же время моего старшего брата, родившегося в 1923 году, завербовали на какие-то работы в Россию. Больше мы его не видели..."

Много лет я писал по разным адресам, обращался в разные ведомства в надежде, что отыщется хоть какой-то след пропавшего брата. Год за годом я, не теряя надежды, по крупицам собирал сведения, падал духом и снова воодушевлялся.

Из маленьких лоскутков памяти разных людей я пытался собрать картину трагедии, произошедшей с братом и его семьей. Благодаря Людмиле Барановской, я, уже почти отчаявшись, сумел узнать правду.

Как оказалось, он и его семья были пассажирами парохода "Струма", в феврале 1942 года затонувшего со всеми пассажирами в результате взрыва вместе. Брата и его родных постигла та же участь. Сумев спастись от смерти в фашистском концлагере, они погибли в морских глубинах.

Вместе с Людмилой я побывал в Ашдоде, где стоит памятник пассажирам парохода "Струма". Теперь у меня есть место, куда я могу возложить цветы в память о близких людях. 24 февраля каждого года является для меня днем памяти невинно погибших евреев, погибших только потому, что стремились оказаться на своей земле, на своей родине.





Могилы в сердце

Меня зовут Мендель Дзиган. Родился я в 1919 году в польском городе Лодзь, в большой и дружной семье. Я очень любил свой город, в котором прошло все мое детство и юность. Здесь у меня были друзья, была девушка, которая мне очень нравилась. Я собирался ей сказать об этом. Но не успел...

1 сентября 1939 года, в первые часы войны, польские города подверглись сильной бомбежке. Бомбы летели и на мой Лодзь. К вечеру, выйдя из укрытия, я не смог его узнать — знакомые улицы были завалены горами битого кирпича, жести и стекла. Дома лежали в развалинах. Город как будто замер. Казалось, что в нем прекратилась жизнь. Магазины не работали. Все учреждения закрылись.

Люди на улицах были, но это были совсем другие люди. Лица их были совсем другими. Большинство были заплаканными и сильно встревоженными. Страх светился в их глазах. Паника стояла невообразимая. Все стремились вырваться из города.

Уже на второй день войны стали поступать тревожные сообщения. Хорошо помню, что евреи стали почему-то копать в своих огородах ямы для укрытия. До сих пор не могу понять, зачем они это делали в тот момент, когда единственно верным решением было бежать.

Но куда? Этот вопрос стоял перед каждой еврейской семьей. В том числе и нашей, в которой было восемь детей. Никому из нас до прихода фашистов не удалось вырваться из города. Вся моя семья — папа и мама, братья и сестры, многие родственники — была уничтожена в концлагере. Когда я узнал об этом, мне казалось, что волосы у меня на голове поднимаются дыбом. До сих пор не знаю, как такое может выдержать человеческое сердце...



Но вернемся в оккупированный Лодзь. Вскоре после того, как в город вошли фашисты, завывали сирены — людей выгоняли из домов, не позволив ничего взять с собой. Эсэсовцы обходили все еврейские дома, один за

другим. Сгоняли евреев, как скот, и увозили в концлагерь. Те немногие, кому удалось вернуться, чаще всего ничего уже не находили — все было разграблено.



Я решил спрятаться и бежать из Польши, перейти границу с Советским Союзом. Искал в городе знакомых ребят, чтобы вместе осуществить этот замысел. Но никого не нашел. Пришлось выбираться одному. Самым болезненным для меня было то, что в родном городе я должен был прятаться, что называется в "крысиных норах".

Несмотря на то, что город был наводнен полицейскими патрулями, мне удалось выбраться. Преодолев все трудности, я перешел границу и добрался до Москвы.

Все это время меня мучила мысль о том, что все мои родные скорее всего погибли. Она буквально сжигала меня. Трудно передать словами эту боль, с которой мне предстояло прожить все свои годы.

В Москве мое везение кончилось — я попал в НКВД. Был скорый суд. Слушать меня никто не хотел. Все мои доводы, мол, сам пришел, все близкие погибли в фашистском концлагере, а я всегда был лоялен к СССР, поэтому и бежал в эту, а не в другую сторону — никому не были нужны, это никого не интересовало. Через несколько минут после начала судебного заседания меня приговорили к восьми годам лишения свободы и отправили в вагоне для скота в один из лагерей ГУЛАГа.

Я мог бы многое рассказать о своих страданиях в советском концлагере: о холоде и голоде, об издевательствах охраны и блатных, о нечеловеческих условиях, в которых мы все жили. Но об этом уже столько написали настоящие писатели, что, думаю, мне не стоит браться за это. Главное это то, что я выжил. Чудом. По счастливому стечению обстоятельств. Выжил и вернулся в Лодзь. Произошло это в 1945 году.

Оказавшись в родном городе, я узнал, что остался один из всей нашей большой еврейской семьи. Никто не выжил. Даже могилу близких я не мог посетить. Ее, как и у тысяч польских евреев, погибших в фашистских концлагерях, не было.

Жизнь продолжалась. Я женился. У меня родилось двое детей. В 1956 году я приехал со своей семьей в Израиль — единственное место на земле, где еврей чувствует себя дома.

И я благодарен этому государству за то, что подарило мне такую счастливую возможность. А могила моих родных и близких в моем сердце. Все они со мной...



Мне снился папа.
Он еще живой,
и так мы громко весело смеялись,
и по зеленой травке шли домой.
Мы шли домой
и за руки держались.
И мама нам махала из окна,
и бабушка в окне была видна...

В доме не было дверей,
в доме не было людей,
крыши не было на нем,
это был убитый дом,
с белой чашкой на полу,
с синим бантиком в углу.
Только птицы во все стороны
вылетали в дыры черные.
Больше мы не заходили:
раньше в доме люди жили,
а теперь, сама не знаю,
или ветер так вздыхает,
или (нам сказал слепой),
это плачет домовая.

Алла Айзеншарф



Альберт Ройтер: "В живых"



Истребление местных евреев на территории Транснистрии айнзацгруппа "D" начала с первых дней оккупации, в июле—августе 1941 года.



Жители не были встревожены даже тем, что по приказу новых властей на территории табачной фабрики начали рыть 10 ям, к которым вскорости прибавили еще одну.

Местечко, в котором я родился, принадлежало Румынии. Я учился в румынской начальной школе, но русский язык знал с детства, хотя гонения на него в то время у румын были даже сильнее, чем на еврейский. Родите-



ли закончили русские гимназии и сохранили любовь к русской культуре. В доме у нас была хорошая русская библиотека: классика, детская литература.

Когда в 1940 году Молдавия вошла в состав Советского Союза, я поступил в четвертый класс русской школы. К этому времени в наших Бричанах проживали около восьми тысяч евреев. Недели за две до начала войны советская администрация депортировала "классово чуждые элементы", среди них почти сто еврейских семей, в том числе сионистски настроенных. Их подняли ночью по заранее подготовленным спискам, вывезли на станцию, погрузили в товарные вагоны и двое суток держали там, проверяли, все ли на месте.

Огромный эшелон увез их на восток: мужчин в Коми, на лесозаготовки, а стариков, женщин и детей – в Сибирь и Северный Казахстан, в спецпоселения.

Началась война. Кто-то из бричанских евреев успел эвакуироваться. Сто или сто двадцать семей ушли с частями Красной Армии, которые уже 6 июля без боев оставили наше местечко. Все, кто не успел или не смог уйти, прятались от местных погромщиков-националистов. Врачи скрывались в больнице.

Когда в местечко вошли румынские войска и немецкие технические части, начались грабежи и погромы. Националисты приводили жандармов прежде всего в дома нашей интеллигенции. Еврейские ребята, создавшие отряд самообороны и пытавшиеся сопротивляться, были расстреляны.

В Бричанах некоторым из арестованных евреев удалось откупиться и выйти из

тюрьмы, а в Хотине, где заправляли немцы, сразу же по спискам была расстреляна половина еврейской интеллигенции.

Скоро нам зачитали приказ: евреям запрещено выходить из домов. Потом началась депортация. Многотысячную толпу из Бричан и близлежащих сел погнали к Днестру и переправили на дру-

гой берег, но разместиться в селах не разрешили. Трое суток нас держали на площади – в грязи под проливным дождем. Стреляли во всякого, кто пытался отойти, чтобы набрать воды из колодца или справиться нужду. На четвертые сутки нас стали разгонять. Был получен приказ: расстрелять евреев в разбитых снарядами домах и блиндажах, оставленных Красной

Армией.

Только мы стали обживать, выяснилось, что эта часть Украины находится под управлением немцев, и военная комендатура Могилева-Подольского приказала: "Убрать этих евреев обратно!" Нас снова собрали и погнали на Днестр.

Там ждал нас лагерь Сокиряны – 15-20 тысяч евреев за колючей проволокой под охраной жандармских постов. Раз в неделю в каком-то одном месте у проволоки разрешалось покупать провизию у местного населения, чаще меняли оставшиеся вещи и

Пляска смерти

После захвата Кишинева и создания в нем еврейского гетто, из Бухареста прибыла делегация нацистских журналистов. Они жили в палатках, но пир им устраивали поистине царский. Ели и пили они под звуки оркестра.

Однажды, кто-то скомандовал: "Пляска смерти!". Из-за палаток была выведена страшная процессия – группа женщин в лохмотьях, с распущенными волосами, едва стоявших на ногах. За некоторыми из них тянулись дети с глазами, полными ужаса. Заиграла гармошка, раздался пересвист цыган, и фигуры закружились, задвигались, словно бы в танце. Но танец был недолгим. Женщин увели с поляны и стали расстреливать в темноте за палатками. Ребенок трех лет каким-то образом затесался между столами. Ничего не понимая, он пялил глазенки на еду и питье. Его подняли, словно мячик, подбросили в воздух и застрелили на лету. Это был, вне всякого сомнения, "коронный номер" программы.

Отрывок из "Книги живых"



ОСТАЛСЯ ОДИН ИЗ ПЯТИ..."

продукты. Жили в разрушенных домах по две-три семьи в каждой комнате. Скученность, грязь, голод. Начались тиф и дизентерия. С каждым днем все больше умерших. Так прошел август, за ним сентябрь.

В середине октября нас снова погнали за Днестр. Румыния получила от немцев часть территории между Бугом и Днестром – Транснистрию – губернаторство с центром в Одессе. Многотысячные колонны евреев вели по дорогам (подводы только для стариков и больных), не разрешая останавливаться в селах. Ночевки – в свинарниках. Многие умерли в дороге.

Нам удалось остаться в Копайгородо-

ратно.

Нас гоняли на принудительные работы. Подростков – убирать урожай, взрослых – на торфоразработки, лесозаготовки, строительство мостов через Днестр и Буг. С этого строительства не вернулся каждый второй.

Как удалось выжить тем, кто выжил? Ремесленники зарабатывали на хлеб и картошку, тайком выполняя заказы местного населения. Те кто владел румынским, кормились посредничеством в торговле между жителями и солдатами – соль, спички, сахар можно было купить только у них. Мой отец, закончивший когда-то курсы помощников провизора, добывал необходимые препараты и готовил лекарства, которых не хватало никому – даже румынам.

В 1943 году мы стали получать посылки от румынских евреев. Нам повезло и тогда, когда Румыния отказалась вывезти нас в Польшу, в Освенцим. В марте 1944 года, когда до нас докатилась волна наступления Советской Армии, свое освобождение встретил каждый пятый из тех евреев, кто был помещен в Копайгородское гетто.

В других местах было хуже. Изгнанных из Кишинева поместили в свинарниках в селах Доманевка и Богдановка. Когда стал приближаться фронт, румыны решили умыть руки, сняли свои жандармские посты и оставили евреев под присмотром украинских полицаев. Те расстреляли всех. Чудом остались в живых только двое из нашего местечка. Они были в бригаде могильщиков, которая должна была сжигать трупы расстрелянных.

Часть евреев, спасаясь от голода и болезней, переходила на немецкую территорию Украины. Там в августе 1942 года была проведена акция по их уничтожению. Так погибли моя тетя с мужем и родителями, мой двоюродный брат.

Румынская жандармерия проводила массовые расстрелы евреев в Новосельце, Хотине, Черновцах. Из почти 300 тысяч евреев-узников гетто и концлагерей Заднепровья к весне 1944 года в живых осталось только 60 тысяч.



Эти ямы предназначались для братских могил истребляемых евреев. Любопытным объясняли, что ямы предназначены для хранения картофеля.



Будущие "хранилища" сооружали основательно, чтобы не было стыдно перед аккуратными немцами. И уже после, в тихий день золотой осени, к ним начали гнать обреченных.

Закопаны живыми

В сентябре 1941 года началась отправка евреев из Бессарабии и Буковины в Транснистрию. Был разослан специальный приказ-инструкция, где говорилось, что людей следует отправлять колоннами по 1500-1600 человек. Но к Днестру должно было прийти как можно меньше евреев.

По пути следования нужно было заранее подготовить большие ямы, на 100 человек каждая, чтобы расстреливать всех отстающих от колонны. Рыть ямы было дано указание на расстоянии не менее 5 километров от села, чтобы жители не слышали криков.

Известно, что исполнители этого приказа лейтенанты Рошка и Попович расстреляли на трассе Единцы-Косоуцы и Сокиряны-Единцы по 500-600 человек каждый. В своей докладной записке Рошка сообщил, что в первой яме он закопал 50-60 человек, а в остальных – по 120, живыми.

Отрывок из "Книги живых"

де. В здешнем гетто к голоду, дизентерии и брюшному тифу скоро прибавился сыпной тиф. Заразился сыпняком и умер мой дядя. По гетто ходили подводы с трупами. За зиму умерло больше половины людей.

Весной 1942 года режим ужесточили. Гетто обнесли забором. Пытавшихся выйти расстреливали на месте. Запретили посещать синагогу. Помню, как раз в это время приехал немец для заготовки хлеба. Застав как-то группу молящихся стариков, он вызвал румынских жандармов и заявил, что раскрыл заговор. Начальник жандармерии приказал оставить в гетто только десятую часть населения, а остальных переселить в пристанционный барак лагеря. Выходивших оттуда в поисках пищи расстреливали. Когда немец уехал, румыны разрешили всем оставшимся в живых вернуться об-



Из 9 миллионов евреев Европы было уничтожено 6-7 миллионов, два из каждых трех.

Уничтожено более 300 еврейских общин Европы.

Дэниэл Рэдклифф (он же Гарри Поттер), отдал очки для экспозиции в память жертв Холокоста. Так же поступили Йоко Оно, Джерри Спрингер, Тони Блэр и масса других знаменитостей и простых обывателей. Их очки будут сложены в виде железной дороги, которая станет напоминанием о том, что миллионы людей в годы Второй мировой войны были вывезены в концентрационные лагеря. Экспозиция откроется 21 января в Ливерпуле.



Поиск убийц не закончен

В ноябре прошлого года в Аргентине было положено начало последним усилиям по поиску и наказанию нацистских военных преступников, которые после Второй мировой войны бежали в Южную Америку.

Центр Симона Визенталю, еврейской правозащитной организации, назвал эту инициативу "Операцией "Последний шанс", потому что осталось очень мало времени для того, чтобы поймать подозреваемых, которые могут скончаться в силу преклонного возраста. Инициатива примет форму медиа-кампании в Чили, Уругвае, Аргентине и Бразилии – за информацию, которая приведет к осуждениям, будет предложено финансовое вознаграждение.

Схема, предложенная на пресс-конференции в Буэнос-Айресе, вновь привлекла внимание к темной и нелицеприятной роли Южной Америки как убежища для нацистов после поражения Гитлера в 1945 году.

Как предполагается, через Атлантику ускользнули 150-300 подозреваемых военных преступников, в некоторых случаях при потворстве правительств этих стран, особенно Аргентины, президент которой Хуан Перрон назвал Нюрнбергский процесс "позором" и организовал спасательные миссии по вывозу нацистских офицеров из Европы и трудоустройству их в вооруженных силах Аргентины в качестве "технических специалистов".

Центр Симона Визенталю впервые реализовал такую схему в Литве, Латвии и Эстонии в 2002 году. В ходе операции удалось выявить 488 имен подозреваемых из 20 стран. Из них 99 дел были переданы в местные прокуратуры, что привело к трем ордерам на арест, двум запросам на экстрадицию и десяткам продолжающихся расследований.

"Учитывая большое число нацистских военных преступников и коллаборационистов, которые бежали в Южную Америку, запуск "Операции "Последний шанс" потенциально может принести важные результаты", – заявил главный охотник за нацистами Эфраим



Симон Визенталь

Зурофф. Сейчас наблюдается большая политическая воля к преследованию подозреваемых, чем раньше, добавил он.

Самым громким делом было дело Адольфа Эйхмана, одного из организаторов Холокоста. В 1960 году его похитили в Арген-

тине израильские агенты и подвергли суду в Иерусалиме, где двумя годами позднее его казнили. Среди тех, кто избежал поимки, – доктор Освенцима Йозеф Менгеле, который проживал в Аргентине, а в 1979 году умер в Бразилии, и рижский палач Эдуард Рошман, обвиняемый в смерти 40 тысяч евреев в Риге в Латвии. Он скончался в Парагвае в 1977 году.

Основатель центра Симон Визенталь, переживший Холокост, умер в 2005 году.

Неизданные письма Альберта Шпеера: "Я знал о Холокосте"

Альберт Шпеер, гениальный архитектор Гитлера, вероятно, действительно знал о решении начать Холокост, хотя всегда отрицал это. По меньшей мере, он был в курсе происходящего с 1943 года. Об этом впервые говорится в одном из 100 неизданных писем, которые были выставлены на прода-



Альберт Шпеер

жу в Лондоне аукционным домом "Bonham's": речь идет о длительной переписке, которую в послевоенные годы Шпеер вел с Элен Жанти-Равен, по прозвищу Нинетт, вдовой героя бельгийского сопротивления, убитого нацистскими оккупантами во время Второй мировой войны. Упоминание о Холокосте содержится в письме, опубликованном в газете "Frankfurter Allgemeine".

Альберт Шпеер был одним из самых противоречивых и загадочных представителей верхушки нацистского режима. На Нюрнбергском процессе (где судьями выступали союзнические державы, победившие во Второй мировой войне, – США, Великобритания, Франция, СССР), на котором за военные преступления судили высших иерархов Третьего рейха, Шпеер был приговорен к 20 годам тюремного заключения. Многие его соратники были приговорены к смертной казни. Он всегда клялся, что работал на Гитлера, но не имел никакого отношения к Холокосту, и что он не знал о геноциде еврейского народа, осуществлявшегося "промышленными" методами.

В 1971 году американский ученый Эрик



Голдхейген, профессор Гарвардского университета, опубликовал в журнале "Mainstream" статью, в которой обвинял Шпеера в том, что тот был в курсе происходящего. Архитектор фюрера, писал Голдхейген, присутствовал на совещании в Познани 6 октября 1943 года. В тот день, выступая перед многими высокопоставленными представителями рейха, глава SS Генрих Гиммлер объявил и подробно объяснил, что Третий рейх истребит всех евреев.

Шпеер, в ходе публичных выступлений, защищался до последнего. Лишь в тайной переписке с Элен Жантис-Равен он сказал правду. "Не может быть никаких сомнений, — написал он "дорогой Нинетт" на разлинованном от руки листе бумаги. — Не может быть никаких сомнений. Я был против, когда 6 октября 1943 года Гиммлер объявил о том, что будут убиты все евреи". Чтобы быть против плана, следует знать его суть, не так ли?

Уже давно существуют подозрения о том, что обвинения Голдхейгена в адрес Шпеера были оправданными. Гита Серени, написавшая книгу о конфликте архитектора Гитлера с правдой, заявила, будто всегда считала, что Шпеер присутствовал на совещании в Познани, на самом важном заседании, когда выступал Гиммлер. Шпеер ответил на обвинения Голдхейгена, найдя двух свидетелей, которые поклялись, что он покинул совещание до того, как глава SS взял слово. Шпеер не поверил свои тайны никому, даже недавно умершему знаменитому историку Йоахиму Фесту.

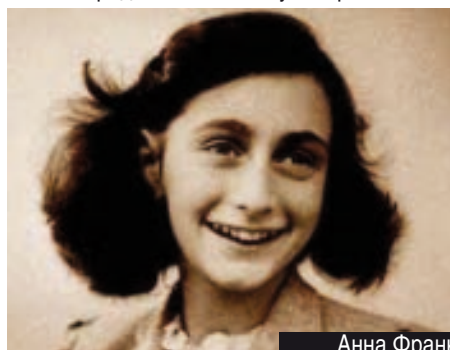
Единственной, кому он доверился, была Нинетт. Вдова бельгийского партизана начала с ним переписку на французском языке в 1971 году. Она отправила ему экземпляр своей книги "Больно жить", в которой рассказала о трагических событиях, пережитых ею в период нацистской оккупации. Эта книга глубоко потрясла Шпеера. Но признание, сделанное в частной переписке, не дало ему смелости рассказать обо всем немецкому обществу и остальному миру.

Обнаружены письма отца Анны Франк

Два года назад Эстель Гузик, архивист-доброволец Института еврейских исследований, наткнулась на любопытную папку, ранее не индексировавшуюся: там была связка писем, написанных отцом Анны Франк Отто. Примерно 80 документов, включая письма Отто Франка друзьям, родственникам и чиновникам, свидетельствуют, как отчаянно Франк, переживший Холокост, пытался спасти свою жену Эдит, свою тещу Розу Холландер и дочерей Марго и Анну.

До сих пор остававшиеся неизвестными документы включают письма, которые Отто

Франк написал между 30 апреля 1941 года и 11 декабря 1941 года (когда Германия объявила войну США), а также письма его американских родственников и университетского



Анна Франк

друга из Нью-Йорка Натана Штрауса-младшего, сына основателя магазина "Масу". В июле 1942 года начался отсчет двухлетнего периода, когда Франки скрывались на чердаке своих соседей.

Письма Отто Франка страница за страницей рассказывают, как семья отчаянно пыталась бежать из оккупированной нацистами Голландии. К тому времени, когда Отто начал писать свои письма, консульство США в Нидерландах было уже закрыто, так что он изучал возможные маршруты побега через Испанию, которые в итоге привели бы к отъезду через нейтральную Португалию. Он также пытался получить визы в Париж и предпринимал попытки организовать отъезд своей семьи в США или на Кубу.

Документы изначально принадлежали Обществу содействия еврейским иммигрантам, находящемуся в Нью-Йорке. Это самое старое агентство содействия переселенцам в стране. Организация поэтапно — с 1948 по 1974 годы — передала свои архивы (вместе с теми, которые были унаследованы от других агентств, которые слились или сотрудничали с ним) Институту еврейских исследований.

Последние полтора года Институт не сообщал о существовании писем, изучая правовые вопросы — в частности, связанные с авторскими правами, которые являлись крупным препятствием для обнародования документов, так как наследие Анны Франк охраняется различными заинтересованными сторонами, включая Фонд Анны Франк.

Вероятно, самый интересный вопрос, связанный с обнародованием писем, это то, почему на письма и мольбы Отто Франка не поступало ответа. Может, потому, что дело Отто Франка поднимает глубокие вопросы об иммиграционной политике США? Тем временем Институт еврейских исследований привлек "гигантов" исследований Холокоста для введения в его контекст этих писем: профессора Американского университета Ричарда Брейтмана и Давида Ангеля, профессора исследований Холокоста в центре Мориса Гринберга.

inopressa.ru

В столице Македонии, на участке, принадлежавшем до Второй мировой войны местным евреям, будет построен Мемориал Холокоста и общинный центр для еврейской общины страны — несколько сот человек. Проект стоимостью в 25 миллионов завершится к 2009 году.

...

Симон Визенталь говорил: "Мы все предстанем перед судом Божиим, и всем придется отчитываться за свою жизнь. Один скажет: "Я был портным". Другой скажет: "Я был врачом". Третий: "Я был ювелиром". А я смогу сказать: "Я не забыл тебя, Господи..."





Майданек глазами Константина Симонова



С 10 по 12 августа 1944 г., в трех номерах центральной армейской газеты "Красная звезда" был опубликован очерк "Лагерь уничтожения". Его автором был специальный корреспондент газеты, самый популярный поэт военных лет Константин Симонов.

В ночь с 22 на 23 июля 1944 г. войска 1-го Белорусского фронта под командованием Константина Рокоссовского освободили в окрестностях Люблина свыше 1000 заключенных одного из шести лагерей уничтожения на территории Польши. Это была первая фабрика смерти, представшая перед глазами советских солдат и офицеров. Здесь, по разным оценкам, было уничтожено от 122 до 250 тысяч евреев Польши. Об этом преступлении нацистов стало известно всему миру именно после публикации "Красной звезды".



На третий день после взятия Люблина поехал в войска 69-й армии генерала Колпачки... Пробыл я там недолго, два или три ...

Зайдя вместе с другими корреспондентами к коменданту Люблина, я услышал, что в нескольких километрах от города есть какой-то секретный лагерь смерти, и первые собранные о нем сведения носят почти неправдоподобный характер...

Это было на следующий день после того, как я вернулся в Люблин из 69-й армии...

Первой статьей об этом лагере оказалась моя. То, что я увидел и услышал там в первые же часы своего пребывания, выбило у меня из памяти все, что в ней было до этого.

Я забыл все остальное и несколько дней просидел в Майданеке, по еще не остывшим следам узнавая страшные подробности лагерного быта, разговаривая с оставшимися в живых бывшими заключенными и с пойманными охранниками, и добросовестно, так что к вечеру не слушалась рука, как протоколист, записывал все, что услышал и увидел...

Я увидел своими глазами газовые камеры, печи крематория с остатками недожженных трупов, сарай с обувью, оставшейся после убитых, виселицы, банки с кристаллами газа "циклон", канцелярии, заваленные паспортами сожженных в печах людей; работал по двадцать часов в сутки и постепенно за неделю привык, отупел. Но в первый день мне казалось, что я схожу с ума...

Не хочу повторять того, что стало общеизвестным. Приведу лишь несколько страничек первоначальных блокнотных записей. Просто для того, чтобы прочитавшие их почувствовали, как, впервые вплотную вдруг столкнувшись со всем этим, можно было действительно рехнуться! Рука водила карандашом по бумаге, а ум все еще отказывался верить в реальность того, что записываю...

Форнихтунгслегер – лагерь уничтожения... Официально назывался – Люблинский концентрационный лагерь войск СС... На первоначальной карте строительства было написано: "Лагерь Дахау № 2". Потом это название исчезло... Бараки охраны. Аккуратные палисадники, кресла и скамейки, сбитые из березовых жердей... Зольдатекейм – небольшой барак, публичный дом для охраны. Женщины только из заключенных. При обнаружении беременности уничтожались... Дезинфекционная камера, в которой газовали "циклоном"... Крематорий. Посреди пустого поля высокая четырехугольная каменная труба. К ней примыкает длинный низкий кирпичный прямоугольник. Рядом остатки второго кирпичного здания. Его немцы успели поджечь...

Барак с обувью. Длина 70 шагов, ширина 40, набит обувью мертвых. Обувь до потолка... Самое страшное – десятки тысяч пар детской обуви. Сандалии, туфельки, ботиночки с десятилетних, с годовалых...

Даже теперь не могу набраться хладнокровия, разбирая эти записи в блокнотах. Привожу только часть их, дающую представление о том целом, которое называлось – Майданек. Когда я писал о нем в сорок четвертом году в "Красную звезду", я считал, что факты сильнее эмоций, и, составляя свой мрачный отчет, стремился к наивозможно большей точности...

Ужас заключался не только в виселицах, смертях на проволоке под током высокого напряжения, не только в газовых камерах и крематориях, а в самой безвыходности существования попадавших туда людей. Заведомая обреченность, голодный и страшный быт многих доводили до такого бескрайнего отчаяния, когда смерть начинала казаться избавлением...

Трудно представить себе, что все это действительно происходило в той реально существующей на географической карте точке, которая называется Майданек и находится неподалеку от Люблина.

Добавлю, что это было трудно представить себе и тогда, во время войны. Хочу рассказать как свидетель: вскоре после освобождения лагеря несколько тысяч немецких солдат-фронтвиков, взятых нами в плен в боях под Люблином, были по приказу нашего командования проведены через весь Майданек, через все его объекты. Цель была одна – дать им возможность самим убедиться в том, что здесь делали эсэсовцы. Присутствуя при этом и видя лица солдат, я понял, что они до этого не представляли себе, что такое может быть. Во всяком случае, могу сказать это о большинстве солдат. И тем не менее все это было...



Самая маленькая узница

Ядвига Матысяк была самой маленькой узницей Освенцима. В лагерь она попала вместе с родителями. Тогда ей было два с половиной года. Ядвига до сих пор помнит свой лагерный номер – 84876 и хранит дома нарукавную нашивку – опознавательный знак заключенного. За колючей проволокой погибли отец и два брата Ядвиги. В один из первых дней в лагере, когда девочка спросила, как ей вернуться домой, эсэсовка в черном мундире расхохоталась и показала на трубу крематория, где сжигали заключенных. "Тебе придется пройти через эту трубу", – рявкнула надзирательница. В бараке девочка заплакала и призналась матери, что не умеет ходить вверх по трубам. Позже Ядвигу и других детей подвергли медицинским экспериментам: закапывали в глаза какую-то жидкость, чтобы изменился цвет радужной оболочки. Варварскими экспериментами руководил палач в белом халате Йозеф Менгеле. Попасть к нему в руки означало мучительную смерть. У оставшихся в живых это имя до сих пор вызывает ужас. Занимались эсэсовцы и другими "экспериментами" над детьми – когда выпадал сильный снег, им приказывали посыпать лагерный плац пеплом сожженных узников.



■

Лилипуты – любимцы Менгеле

Невозможно понять, как многочисленная еврейская семья смогла выжить в Освенциме. Если не знать их "маленький секрет".

Неслыханная удача объясняется просто: все семь ее членов страдали врожденной хондроплазией, а проще говоря, были лилипутами. 30 августа 1940 года румынская Трансильвания стала территорией Венгрии – 400 тысяч венгерских евреев, в том числе и семья Шимшона Овитца, были депортированы хортистской администрацией в Освенцим. В лагере смерти лилипуты привлекли внимание доктора-живодера Менгеле. Тот под предлогом изучения наследственности проводил над заключенными садистские опыты: пересаживал спинной мозг, кастрировал, прививал тиф. Семью Овитц не только избавили от каторжных работ и душегубки, но даже освободили от проверок и необходимости носить полосатую одежду. Зато в своей лаборатории Менгеле не деликатничал с лилипутами – делал рентген, фотографировал, изучал зубы и волосы, а также задавал множество вопросов об их интимной жизни. Однажды он поведал им, что обожает сказку о Белоснежке и семи гномах.



После освобождения Овитцы провели некоторое время в СССР, а в 1949 году эмигрировали в Израиль, где успешно продолжили карьеру музыкантов и массовиков-затейников. Последняя из сестер, скончавшаяся в 2001 году Перла Овитц, и рассказала невероятную историю семьи двум израильским журналистам, которые написали об этом книгу.

Вряд ли "симпатия" Менгеле к лилипутам объяснялась его любовью к сказкам братьев Гримм. Скорее всего, он намеревался показывать их в университетах и на конференциях как живое доказательство расистского тезиса о вырождении еврейской нации. Можно сказать, что преданность "доктора" человеконенавистнической идеологии и уберегла семью Овитц от нацистского "окончательного решения".

■

Раввин, освобождавший концлагерь

Полтора года назад в США ушел из жизни раввин и исследователь истории Холокоста, первый военный раввин, вошедший в 1945 году в концлагерь Дахау после освобождения от нацистов. Авраам Клаузер умер в своем доме в Санта-Фе. Ему было 92 года.

Клаузер родился в 1915 году, закончил Университет Денвера, а затем учился в Еврейском объединенном колледже. В течение 25 лет он возглавлял еврейскую общину при синагоге "Эммануэль" в Йонкерсе, штат Нью-Йорк.

В 1989 году Клаузер и его жена Юдит, удалившись от дел, поселились в Санта-Фе. Здесь они ежегодно проводили вечеринки на Хануку. Но 10 лет назад у раввина проявились признаки болезни Паркинсона.

За свою службу армейским раввином Клаузер снискал множество лестных отзывов. Так, советник по вопросам еврейской общины при генштабе армии США Филипп Бернштайн писал ему: "Вы взяли сломанные судьбы и фрагменты еврейской жизни и сделали их неотъемлемой частью общества. Вы вернули им чувство достоинства и дали им цель в жизни. Возможно, вы вершили историю".

■

Авраам Клаузер собрал и опубликовал списки уцелевших жертв Холокоста в книгах под названием "Шаарит ха-Плата" или "Выживший остаток". Целый этаж в Еврейском музее в Берлине был заполнен его работами, целью которых было воссоединить детей Холокоста с их семьями. Так он спас жизни тысячам евреев и позаботился о том, чтобы те, кто потерял семьи, нашли новые.

В книге "Моя борьба" Гитлер утверждал, что евреи не способны к продуктивной деятельности, не могут создать своего государства, а потому используют творческую энергию других наций.

...

Каждым своим шагом, каждым вздохом мы выполняем заповедь "Помни, что сделал тебе амалек". Это все, что мы можем. Помнить, чтобы не забыть.



Авраам Клаузер



Крутой обрыв,
как грубое надгробье...
Е. Евтушенко

"Еврейская акция" в Каменец-Подольском

27 августа 1941 года в 8.30 утра обергруппенфюрер СС и полиции в тылу группы армий "Юг" Фридрих Йекельн отправил Гимmlеру, шефу полиции порядка генералу Далюге и шефу полиции безопасности Гейдриху очередную телеграмму с информацией о деятельности подчиненных ему подразделений за 26 августа. В телеграмме, в частности, говорилось: "320-й полевой батальон с оперативной группой штабной роты проводит зондеракцию в Каменец-Подольском... Расстреляли 4200 евреев".

О Каменец-Подольском Йекельн продолжает рассказывать и в трех своих последующих ежедневных донесениях: "...расстреляно 5000 евреев.... закончена акция в Каменец-Подольском. Штабная рота вновь расстреляла 7000 евреев, вследствие чего общее количество евреев, ликвидированных в Каменец-Подольском составило округленно 20 тысяч..."

30 августа цифра уточняется: "количество евреев, ликвидированных штабной ротой в Каменец-Подольском, достигло 23600".

"Еврейская акция", о которой идет речь в этих документах, не была обычной: она имела ряд особенностей, которые выделяют ее из ряда подобных акций, имевших место ранее. Во-первых, эту акцию можно считать поворотным пунктом в политике уничтожения: если раньше расстреливались в основном евреи-мужчины, то в данном случае впервые конечной целью было истребление всех евреев – и мужчин, и женщин, и детей.

Во-вторых, в ходе этой акции впервые были убиты не только местные евреи, но и евреи-иностранцы, депортированные в Каменец-Подольский из Венгрии. Этим объясняются и масштабы акции: за три дня было расстреляно свыше 23 тысяч человек. По своим масштабам эта акция уступает только киевской, проведенной в конце сентября 1941 года, когда за два дня было убито около 34 тысяч евреев.

Обстоятельства появления в городе "иностранцев" евреев и их расстрела вместе с местными были следующими.

После вступления 27 июня 1941 года Венгрии в войну против Советского Союза чиновники-антисемиты в Цен-

тральном национальном бюро по контролю за иностранцами и д-р Кисс разработали план, предусматривающий переселение "иностранцев" евреев (беженцев из Германии, Австрии, Чехословакии, Польши – всего 30-35 тысяч человек) на вновь "освобожденную" территорию. План был передан Миклошу Козме, бывшему министру внутренних дел и доверенному лицу М. Хорти, тот был тогда правительственным комиссаром в Закарпатской Украине. Козма поддержал план и через начальника генерального штаба Верта передал его на рассмотрение Хорти, который вместе с премьер-министром Бардоси одобрил идею. Последний на заседании Совета министров провел решение "удалить их Карпато-Рутении всех лиц сомнительного гражданства и передать их немецким властям в Восточной Галиции".

Общее руководство было возложено на Козму. Технические детали разработали подполковник Эндре Кришфалусси-Храбар и майор Аги из жандармерии, а также Аристид Мешко, начальник пограничной полиции в Закарпатской Украине. Протесты тогдашнего министра внутренних дел Ференца Керестеш-Фишера были проигнорированы. Совет убедил "аргумент", что евреи просто переводятся на новое место работы в Галицию, которая не может считаться "иностранной" территорией, поскольку находится под управлением венгерских властей.

Был издан декрет, который предусматривал регистрацию всех "непризнанных иностранцев" соответствующими полицейскими органами в качестве первого шага к их возможному удалению и страны.

К декрету была приложена секретная директива начальника Центрального национального бюро по контролю за иностранцами Шандора Шименфалвы, согласно которой главной целью декрета была "депортация недавно просочившихся польских и русских евреев в как можно большем количестве и как можно быстрее".

Депортируемые могли взять с собой только 30 пенге, запас продовольствия на три дня и самые необходимые личные вещи.





План стал претворяться в жизнь. Евреев соответствующей категории поездами довозили до пограничного населенного пункта Керешмеже, где был создан транзитный лагерь, а оттуда на грузовика – примерно по тысяче человек в день – отвозили в Галицию. К 10 августа около 14 тысяч евреев были переданы военным властям, а к концу операции количество депортированных выросло до 18 тысяч.

Депортировались не только евреи, не имевшие венгерского гражданства, но также и те, кто "мешал" местным властям.

Большинство депортированных евреев было доставлено в район Каменец-Подольского, оккупированного венгерскими войсками. Немцы не были готовы к столь массовому наплыву евреев из Венгрии. Сначала они потребовали, чтобы депортация была прекращена, так как "они не могут справиться со всеми этими евреями", которые к тому же будто бы "представляют угрозу их линиям связи".

"Эти евреи особенно в продовольственном отношении представляют нагрузку для города", жаловались из фельдкомендатуры. Это обстоятельство, а также начавшаяся среди привезенных евреев эпидемия дизентерии и отказ венгров забирать "своих" евреев послужили формальной причиной вмешательства обергруппенфюрера Йекельна. Будучи радикальным антисемитом, он видел только один способ решения возникшей проблемы – полная ликвидация евреев.

К тому же в то время уже существовал приказ Гимmlера об уничтожении евреев на оккупированной территории Советского Союза.

25 августа евреям Каменец-Подольского было объявлено о том, что на следующих день начнется их переселение на новое местожительство. Они сначала поверили в это переселение и безропотно позволили отконвоировать себя со всем их имуществом к месту казни – глубоким воронкам от бомб в 5 километрах от города. Место казни было оцеплено солдатами, которые образовали живой коридор в качестве единственного прохода к этим воронкам.

Сам Йекельн все три дня акции находился на месте казни, пускал по

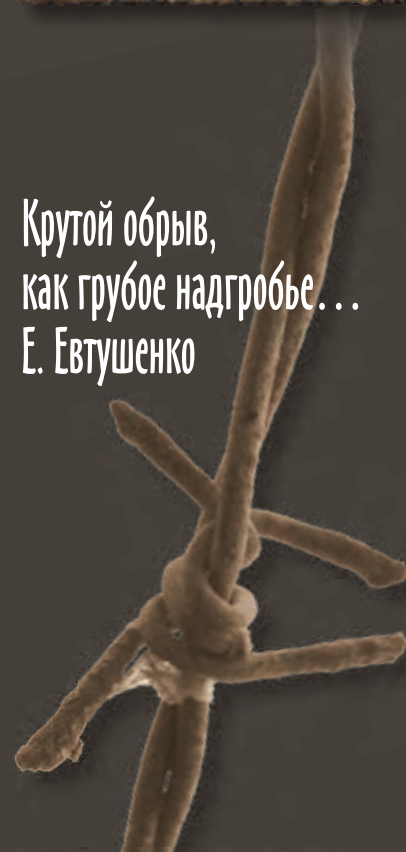
кругу бутылки водки, при каждом удобном случае науськивал солдат на евреев. Например, показывая на хорошо одетого мужчину, он говорил: "Это типичный еврей, который должен быть уничтожен, чтобы мы, немцы, могли жить".

В ходе казни применялся метод, который Йекельн открыл незадолго до этого и который он сам назвал "укладкой сардин": жертвы должны были слой за слоем ложиться в яму лицом вниз, после чего их убивали выстрелом в затылок.

Один из членов штаба Йекельна после войны так описал ход акции и свое участие в ней: "Яма, в которой я действовал, имела диаметр примерно 20-30 метров и глубину примерно 5-6 метров... Мы знали, что едем на казнь... Экзекуционные команды состояли из полиции и СС. Подошла длинная колонна евреев. Мне, Лющену, Ведекинду и неизвестному полицейскому Йекельн приказал сойти в яму. К нам постоянно направляли евреев. Частично они должны были лечь, частично их убивали выстрелом в затылок в стоячем положении. Это были мужчины, женщины и дети, однако я расстреливал только мужчин. Никаких задержек не было. Я часто выпадал из ямы, так как мои нервы больше не выдерживали, и пытался уклониться. Однако мне все вновь приказывали возвращаться в яму..."



Крутой обрыв,
как грубое надгробье...
Е. Евтушенко



Если меня спросят, сколько евреев я застрелил за это время, я не смогу точно сказать. Возможно, 50 или 100. Врача, который бы устанавливал смерть жертвы, не было..."





В еврейском фольклоре и литературе (Менделе Мохер Сфарим, Шалом Алейхем, Дер Нистер и другие) и, наряду с этим, в русской антисемитской традиции XIX-XX вв. Бердичев выступает как символ или типичный образец еврейского города.



УБИЙСТВО ЕВРЕЕВ

Василий Гроссман

В Бердичеве до войны жило 30 тысяч евреев при общем количестве жителей около 60 тысяч. Хотя в юго-западных областях, черте бывшей еврейской оседлости, в большом количестве местечек и городов число евреев составляло 50 и больше процентов к общему населению, Бердичев почему-то считался наиболее еврейским городом на Украине. Мнение это существовало долгие годы, и еще до революции антисемиты и черносотенцы называли Бердичев "еврейской столицей". Немецкие фашисты, изучавшие перед массовым убийством евреев вопрос о расселении евреев на Украине, всегда специально отмечали Бердичев.

Еврейское население жило дружно с русским, украинским и польским населением города и окрестных сел. За все время существования города в нем не было никаких национальных эксцессов, как при царизме, так и во время гетманской и петлюровской власти. Объясняется это тем, что черносотенцы и петлюровцы не смогли найти внутри города и в окрестных селах поддержки в организации погромов, черносотенная и погромная агитация не встретила сочувствия.

Еврейское население работало на заводах: крупнейшем в Советском Союзе кожевенном заводе им. Ильича, машиностроительном заводе "Прогресс", бердичевском сахарном заводе, в десятках и сотнях кожевенных, портняжных, сапожных, шапочных, металлообрабатывающих, картонажных фабрик и мастерских. Еще до революции бердичевские мастера мягких туфель "чувяков" пользовались большой славой, их продукция шла в Ташкент, Самарканд и другие города Средней Азии. Так же широко известны были мастера модельной обуви и специалисты по производству цветной бумаги.

Тысячи бердичевских евреев работали каменщиками, печниками, плотниками, ювелирами, часовщиками, оптиками, пекарями, пирожниками, парикмахерами, носильщиками, трубочистами, извозчиками, носильщиками на вокзале, стекольщиками, монтерами, слесарями, водопроводчиками, грузчиками и т. д.

В городе имела большая еврей-

ская интеллигенция: десятки опытных, старых врачей - терапевтов, хирургов, специалистов по детским болезням, акушеров, дантистов, - бактериологи, химики, провизоры, инженеры, техники, бухгалтеры, преподаватели многочисленных техникумов, средних школ, учительницы иностранных языков,



учителя и учительницы музыки, педагоги, работавшие в детских яслях, садах, на детских площадках.

Приход немцев в Бердичев был внезапен: к городу прорвались немецкие танковые войска, и только треть еврейского населения успела эвакуироваться. Немцы вошли в город в понедельник 7 июля, в 7 часов вечера. Солдаты кричали с машин: "Иуд капут!", махали руками и смеялись, они знали, что в городе осталось почти все еврейское население.

Трудно воспроизвести душевное состояние двадцати тысяч людей, внезапно объявленных вне закона, лишенных каких бы то ни было человеческих прав; даже страшные законы, установленные немцами по отношению к жителям оккупированных областей, казались евреям недостижимым благом. На еврейское население была наложена контрибуция: военный комендант потребовал представить в течение 3 дней 15 пар хромовых сапог, 6 персидских ковров и сто тысяч рублей. Судя по незначительности этой контрибуции, она явилась актом личного грабительства со стороны военного коменданта. При встрече с немцем еврей должен был снимать шапку. Не выполнявших это требование подвергали избиению, заставляли ползать на животе по тротуару, собирать руками мусор с мостовой, старикам резали бороды.



В БЕРДИЧЕВЕ

Столяр Герш Гитерман, бежавший на шестой день оккупации из Бердичева и сумевший перебраться через линию фронта, рассказывает о первых преступлениях немцев по отношению к евреям.

Немецкие солдаты выгнали из квартир группу жителей Большой Житомирской, Малой Житомирской, Штейновской улиц; все эти улицы прилегают к Житомирскому шоссе, на котором расположен кожевенный завод. Людей привели в дубильный цех завода и заставили прыгать в огромные ямы, полные едкого дубильного экстракта; сопротивлявшихся пристреливали, и тела их также кидали в ямы. Немцы, участвовавшие в этой экзекуции, считали ее шуткой: они дубили еврейскую "шкуру".

Такая же "шуточная" экзекуция была проделана в Старом городе – часть Бердичева, расположенная между Житомирским шоссе и рекой Гнилопять. Немцы приказали старикам одеться в талес и тфилин, устроить в старой синагоге богослужение: "молить бога простить грехи, совершенные против немцев". Дверь синагоги заперли и здание подожгли.

Третью "шуточную" экзекуцию немцы произвели возле мельницы. Они схватили несколько десятков женщин, приказали им раздеться и объявили несчастным, что переплывшим на тот берег будет дарована жизнь. Река возле мельницы, запруженная каменной плотиной-"греблей", – очень широка. Большинство женщин утонули, не достигнув берега. Тех, кто переплыл на западный берег, заставили тотчас же плыть обратно. Немцы развлекались, наблюдая, как утопавшие, теряя силы, идут ко дну, до тех пор, пока не утонули все женщины до единой.

Примером такой же немецкой "шутки" может служить история гибели старика Арона Мизора, по профессии резника, жившего на Белопольской улице.

Немецкий офицер, ограбив квартиру Мизора, приказал солдатам унести отобранные им вещи, сам же с двумя солдатами остался развлечься. Он нашел большой нож резника и узнал о профессии Мизора.

– Я хочу посмотреть твою работу, – сказал он и велел солдатам привести

трех маленьких

детей соседки. – Режь их, – сказал офицер. Мизор думал, что офицер шутит. Но тот ударил старика кулаком по лицу и снова приказал: – Режь!

Жена и невестка стали молить и плакать, тогда офицер сказал:

– Тебе придется зарезать не только детей, но и этих двух женщин.

Нож выпал из руки старика, и Мизор упал без сознания на пол. Офицер поднял нож и ударил им старика по лицу. Невестка Мизора Лия Басихес выбежала на улицу, моля встречных спасти старика. Когда люди вошли в квартиру Мизора, то увидели мертвые тела его и его старухи-жены в луже крови. Офицер сам показал, как надо действовать ножом.

Все эти преступления делались как бы самотеком. Это были бесчинства офицеров и солдат, предателей-полицейских, творимые по их собственной инициативе, в сознании своей полной безнаказанности. Время общей государственной акции против бердичевлян приближалось, но еще не наступило.

Население видело, что издевательства и убийства в первые дни происходили не по приказу, и пытались обращаться с жалобами, просить помощи против самочинных расправ палачей-добровольцев, грабителей, насильников.

Сознание тысяч людей не могло объять простой и страшной истины, что сама власть, государство стимулирует, одобряет все эти "самочинные" расправы, что евреи поставлены вне закона, что пытки, насилия, убийства, поджоги – все это естественно в применении к евреям, что иначе и не может быть, что иначе и не должно быть. Эта нечеловеческая истина не укладывалась в сознании людей. Они бежали в городское управление, к военному коменданту, заявляли, что в дома к ним врываются громилы, издеваются, убивают, жгут. Представители власти с бранью и насмешками прогоняли жалобщиков, говоря, что все это совершенно их не касается.



В 1939 г. еврейское население Бердичева составляло 23 266 человек. После начала советско-германской войны в Бердичеве оказалось много евреев, бежавших из западных районов страны. 7 июля 1941 г. немецкие войска заняли Бердичев. К этому времени из города успели эвакуироваться более 10 тысяч человек, в основном евреи.





После освобождения
Бердичева 5 января 1944
г. в городе оставалось
в живых 15 евреев.



Ужас навис над городом. Ужас вошел в каждый дом, он стоял над кроватями спящих, он вставал с солнцем, он ходил ночью по улицам. Тысячи старушечьих и детских сердец замирали, когда в ночи слышался грохот солдатских сапог, громкая немецкая речь.

Ужасны были облачные темные ночи и ночи полной луны, ужасным было столь ясное раннее утро, и светлый полдень, и мирный вечер в родном городе.

Так продолжалось 50 дней.

26 августа немецкие власти начали подготовку общей акции. По городу были расклеены объявления, предлагавшие всем евреям переселиться в гетто, организуемое в районе Яток – городского базара. Переселявшимся запрещалось брать с собой мебель. Ятки – это самый бедный район города вдоль немощенных, с вечными, непрсыхающими лужами улиц. Стоят там ветхие хибарки, одноэтажные домики, старые, из осыпающегося кирпича постройки, во дворах растёт бурьян, валяется мусор, кучи хлама, навоза.

Три дня продолжалось переселение. Люди, нагруженные узлами, чемоданчиками, медленно двигались с Белопольской, Махновской, Училищной, Греческой, Пушкинской, с Большой и Малой Юридыки, с Семеновской, Данилевской улиц. Подростки и дети поддерживали дряхлых стариков и больных. Парализованных, безногих несли на одеялах и носилках. Встречный по-

нату. В маленьких хибарках сгрудилось по многу десятков людей с грудными детьми, лежащими больными, слепыми. Клетушки-комнаты были завалены домашними вещами, перинами, подушками, посудой.

Были объявлены законы вновь организованного гетто. Людям запрещалось, под страхом сурового наказания, выходить из пределов гетто. Покупать продукты на базаре можно было лишь после шести часов вечера, т. е. тогда, когда базар пустел и никаких продуктов на базаре уже не было.

Никто из переселенных в гетто не предполагал, однако, что это переселение является лишь первым шагом к заранее продуманному и разработанному во всех деталях убийству всех двадцати тысяч евреев, оставшихся в Бердичеве.

Бердичевский житель Николай Васильевич Немоловский, посещавший в гетто семью своего друга-инженера Нужного, работавшего до войны на заводе "Прогресс", рассказывает, что жена Нужного много плакала и волновалась по поводу того, что сын ее, десятилетний Гаррик, не сможет продолжать с осени занятия в русской школе.

Протоиерей бердичевского собора отец Николай и старик-священник Гурии все время поддерживали связь с врачами Цурваргом, Барабиным, женщиной-врачом Бланк и другими представителями еврейской интеллигенции. Они пытались выдать им христианские метрические свидетельства либо крестить их. Немецкие центральные власти, находившиеся в Житомире, объявили архиерею, что малейшая попытка со стороны священников спасать евреев будет караться самыми суровыми наказаниями, вплоть до смертной казни.

Бердичевские старики-врачи, как рассказывают священники, жили все время надеждами на возвращение Красной Армии. Одно время их утешала версия, якобы слышанная кем-то по радио, что немецкому правительству передана нота с требованием прекратить бесчинства в отношении евреев.

Но в это время пленные, пригнанные немцами с Лысой горы, начали копать пять глубоких рвов на поле, вблизи аэродрома; там, где кончается Бродская улица и начинается мощеная дорога, ведущая в деревню Романовку.

4 сентября, спустя неделю после организации гетто, немцы и предатели-полицейские предложили отправиться на сельскохозяйственные работы полтора тысячам молодых людей. Молодежь собрала узелки продуктов, хлеб и, простившись с родными, отправилась

ток двигался из Загребельного района города, находящегося по ту сторону реки Гнилопяти.

Людей поселяли по 5-6 семей в ком-



в путь. В этот же день все полторы тысячи юношей были расстреляны между Лысой горой и деревней Хажино.

Палачи умело подготовили казнь, настолько тонко обманули своих жертв, что никто из обреченных до самых последних минут не подозревал готовящегося убийства. Им так подробно объяснили, где они будут работать, как их разобьют на группы, когда и где им выдадут лопаты и прочие орудия труда, что ни у кого не возникло и тени подозрений. Им даже намекнули на то, что по окончании работ каждому будет разрешено взять немного картошки для стариков, оставшихся в гетто.

И те, кто остались в гетто, так и не узнали в недолгие оставшиеся им дни жизни судьбу, постигшую молодых людей.

- Где ваш сын? – спрашивали у того или другого старика.

- Пошел копать картошку, – был обший ответ стариков.

Бесспорно, что этот расстрел молодежи был первым звеном в цепи заранее продуманных мероприятий по убийству бердичевских евреев. Эта казнь изъела из гетто почти всех способных к сопротивлению молодых людей. В Ятках остались главным образом старики,

старухи, женщины, школьники, школьницы, младенцы. Процент оставшихся мужчин резко снизился, остались лишь мужчины, удрученные заботой о беспомощных детях и стариках. Этим немцы обеспечили себе полную безнаказанность при проведении общей массовой казни.

Подготовка к акции закончилась. Ямы в конце Бродской улицы выкопаны. Немецкий комендант познакомил председателя городского управления Редера – обрусевшего немца и военнопленного Первой мировой войны – и начальника полиции предателя Королюка с планом операции. Эти лица – Редер и Королюк – принимали активное участие в организации и осуществлении казни.

Четырнадцатого сентября прибыли части эсэсовского полка, была мобилизована городская полиция. В ночь с 14 на 15-е весь район гетто был оцеплен войсками. В четыре часа утра, по сигналу, эсэсовцы и полицейские начали врываться в квартиры, подымать людей, выгонять их на базарную площадь. По тому, как вели себя эсэсовцы, люди поняли, что наступил последний день жизни. Многих из тех, кто не мог идти, дряхлых стариков и калек, палачи убивали тут же, в домах. Страшные вопли женщин, плач детей разбудили весь го-

род, на самых отдаленных улицах люди просыпались, со страхом вслушиваясь



в стоны тысяч голосов, слившихся в один потрясающий душу звук.

Вскоре базарная площадь заполнилась многими тысячами людей. На небольшом холмике стояли Редер и Королюк, окруженные охраной. К ним партиями подводили людей, и они отбирали из каждой партии 2-3 человек, известных всем, всему городу специалистам.

Отобранных людей отводили в сторону, на ту часть площади, которая прилегала к Большой Житомирской улице. Остальных же, обреченных смерти, строили в колонны и под усиленной охраной эсэсовцев гнали через Старый город к Бродской улице, в сторону аэродрома.

Прежде, чем построить людей в колонны, эсэсовцы и полицейские требовали, чтобы обреченные клали на землю драгоценности и документы. Земля в том месте, где стояли Редер и Королюк, стала белой от бумаги – удостоверений, паспортов, справок, профсоюзных билетов.

Отобраны были четыреста человек, среди них старики-врачи: Цурварг, Барабин, Либерман, женщина-врач Бланк, остальные – знаменитые в городе ремесленники и мастера: электрик и радиомонтер Эпельфельд, фотограф Нужный, сапожник Мильмейстер, старик-каменщик Пекелис со своими сыновьями-каменщиками Михелем и Вульфом, известные своим мастерством портные, сапожники, слесари, несколько парикмахеров. Отобранным специалистам разрешили взять с собой семьи. Многие из них не смогли отыскать потерявшихся в огромной толпе жен и детей. По свидетельству очевидцев, здесь происходили потрясающие

После Второй мировой войны некоторое число евреев, эвакуированных на восток СССР, вернулось в Бердичев. В 1989 г. еврейское население Бердичева составляло 3512 человек.





В Бердичеве продолжает существовать одна синагога. Еврейское кладбище заброшено, хотя воздвигнута ограда вокруг могилы цаддика Леви Ицхака бен Меира из Бердичева.

сцены: люди, стараясь перекричать обезумевшую толпу, выкрикивали имена своих жен и детей, а сотни обреченных матерей протягивали к ним своих сыновей и дочерей, молили признать их своими и этим спасти от смерти.

- Вам все равно, вам не найти в такой толпе своих! – кричали женщины.

Одновременно с пешими колоннами по Бродской улице двигались грузовики: в них везли немощных стариков, малых детей, всех, кто не мог пройти пешком четыре километра, отделяющих Ятки от места казни. Картина этого движения тысячных толп женщин, детей, старух, стариков на казнь была столь ужасна, что и поныне люди, видевшие ее, рассказывая, бледнеют и плачут. Жена священника Гурина, живущая с мужем в доме, мимо которого гнали на казнь, увидев эти тысячи женщин и детей, взывавших о помощи, узнав десятки своих знакомых, помешалась и в течение нескольких месяцев находилась в состоянии душевного помрачения.

Но одновременно находились темные, преступные люди, извлекавшие материальные выгоды из великого несчастья, жадные до наживы, готовые обогатиться за счет жертв немцев. Полицейские, члены их семей, любовницы немецких солдат, прочие темные люди бросились в опустевшие квартиры грабить. На глазах живых мертвецов тащили они платья, подушки, перины: некоторые проходили сквозь оцепление и снимали платки, вязанные шерстяные кофточки с женщин и девушек, ждущих казни.



автоматные очереди. Нарочно ли так сделали немцы или не сообразив, но место казни было устроено в 50-60 метрах от дороги, по которой проводили обреченных. Колонна шла мимо плахи, тысячи глаз видели, как падают убитые старики и дети; затем людей гнали к аэродромным ангарам, там ожидали они своей очереди и снова, уже для принятия смерти, шли к месту казни.

От аэродромных ангаров к ямам вели группами по сорок человек, надо было пройти около трехсот метров по неровному, кочковатому полю. Пока эсэсовцы убивали одну партию, вторая, уже сняв верхнюю одежду, ожидала очереди в нескольких десятках метров от ям, и третью партию выводили в это время из-за ангаров.

Хотя подавляющее большинство убитых в этот день людей были совершенно немощные старики, дети, женщины с младенцами на руках, эсэсовцы, все же боясь их сопротивления, организовали убийство таким образом, что на месте казни всегда было больше палачей с автоматами, чем безоружных жертв.

Весь день длилось это чудовищное избиение невинных и беспомощных, весь день лилась кровь на глинистую желтую землю. Ямы были полны крови, глинистая почва не впитывала ее, кровь выступала за края ям, огромными лужами стояла на земле, текла ручейками, скапливаясь в низменных местах. Раненые, падая в ямы, гибли не от выстрелов эсэсовцев, а просто захлебывались, тонули в крови, наполнившейся ямы. Сапоги палачей промокли от крови, жертвы подходили к могиле по крови.

Весь день безумные крики убиваемых стояли в воздухе, крестьяне



А в это время голова колонны подошла к аэродрому. Полупьяные эсэсовцы подвели первую партию в сорок человек к краю ямы. Раздались первые



окрестных хуторов бежали из своих домов, чтобы не слышать воплей, страданий, которых не может выдержать человеческое сердце.

Весь день люди, бесконечной колонной проходившие мимо места казни, видели своих матерей, сестер, детей уже стоящими на краю ямы, той ямы, к которой судьба сулила им подойти через час или два. И весь день воздух оглушали слова прощания.

- Прощайте, прощайте, вскоре мы встретимся, – кричали с шоссе.

- Прощайте! – отвечали те, что стояли над ямой.

Иногда люди издали узнавали своих близких, и тогда новый страшный вопль оглушал воздух; выкрикивались родные имена, раздавались последние напутствия. Старики громко молились, не теряя веру в бога даже в эти страшные часы, отмеченные властью дьявола.

В этот день, 15 сентября 1941 года, на поле вблизи бердичевского аэродрома, на дороге, ведущей от Бродской улицы к деревне Романовке, были убиты 12 тысяч человек. Подавляющее большинство убитых – это женщины, девушки, дети, старики и старухи. Все пять ям



были полны по края телами, пришлось навалить поверх холмы земли, чтобы прикрыть тела. Земля шевелилась, судорожно дышала. Ночью многие из недобитых выползли из-под могильного холма, свежий воздух проник через разворошенную землю в верхние слои лежавших и придал сил тем, кто лишь был ранен, чье сердце еще продолжало биться, вернул сознание лежавшим в беспамятстве.

Они распознались по полю, инстинктивно стараясь отползти от ям, большинство из них, теряя силы и истекая кровью, умирали тут же на поле, в нескольких десятках саженей от места казни. Крестьяне, ехавшие на рассвете из Романовки в город, увидели ужасную картину: все поле было покрыто телами в белом окровавленном белье.

Немцы и полиция убрали тела, добили тех, кто еще дышал, и вновь закопали их.

Трижды за короткое время земля над могилами раскрывалась, взорванная давлением изнутри, и кровавая жидкость выступала через края ям, разливалась по полю. Трижды сгоняли немцы крестьян, заставляли их наваливать новые могильные холмы над огромными могилами.



Есть сведения о двух детях, стоявших на краю этих раскрытых могил и спасшихся.

Один из них – десятилетний сын инженера Нужного, Гаррик. Отец его, мать и младшая шестилетняя сестра были казнены. Когда Гаррик вместе с матерью и сестренкой подошел к краю ямы, мать, желая спасти сына, закричала:

- Этот мальчик русский, он сын моей соседки, он русский, русский!

Стоявшие тут же обреченные подержали ее.

- Он русский, он русский! – кричали они.

Эсэсовец оттолкнул мальчика от стоявших над ямой. Едва отошел он, как раздались очереди автоматов. До темноты пролежал он в кустах у дороги, а затем пошел в город, на Белопольскую улицу, где прожил свою маленькую жизнь.

Он вошел в квартиру Николая Васильевича Немоловского, товарища отца, и едва увидел знакомые лица, как упал в припадке истерических слез. Он рассказал, как были убиты его отец, мать, сестра, как мать и незнакомые люди, из которых ни одного уже нет в живых, спасли его. Всю ночь рыдал он, вскакивал с постели, порывался вернуться к месту казни.

Десять дней скрывали его Немо-

В 1989 г. –
начале 2000-х гг.
подавляющее
большинство евреев
Бердичева
репатрировалось
в Израиль
или выехало
в другие страны





ловские. На десятый день Немоловский, узнав, что брат инженера Нужного оставлен в живых среди четырехсот ремесленников и мастеров-специали-



стов, пошел в фотографию, где работал Нужный, и сообщил, что племянник его жив.

Нужный ночью пришел повидаться с мальчиком. Когда Немоловский описывал пишущему эти строки встречу Нужного, потерявшего всю свою семью, с племянником, он разрыдался и сказал:

- Это нельзя рассказать!

Через несколько дней Нужный пришел за племянником и забрал его к себе. Судьба их обоих трагична – при следующем расстреле были казнены и дядя, и племянник.

Вторым ушедшим от места расстрела был десятилетний Хаим Ройтман. На его глазах были убиты отец, мать и младший братик Боря. Когда немец поднял автомат, Хаим, стоя на краю ямы, сказал ему:

- Смотрите, часики, – и указал блестящее на земле стеклышко.

Немец наклонился, чтобы поднять

часы, мальчик бросился бежать. Пули немецкого автомата продырявили ему картузик, но мальчик не был ранен. Он бежал до тех пор, пока не упал без памяти. Его спас, спрятал и усыновил Герасим Прокофьевич Остапчук.

Таким образом, пожалуй, он единственный из приведенных на расстрел 15 сентября 1941 года сохранил жизнь и дожил до прихода Красной Армии.

После этого массового расстрела люди, бежавшие из города в деревню, и жители окрестных местечек, где происходило в это время поголовное избиение еврейского населения, пришли на отведенные евреям улицы. Но новое, тотчас же последовавшее избиение уничтожило всех пришедших жить на эти улицы. Немцы и полицейские при этом проявляли необычайную жестокость, превосходящую все представления человека о жестокости.

Маленьким детям разбивали головы о камни мостовой, женщинам отрезали груди.

Свидетелем этого избиения был пятнадцатилетний Лева Мильмейстер. Он бежал от места расстрела, раненный в ногу немецкой пулей.

В двадцатых числах октября 1941 года начались облавы на тех, кто тайно проживал в запретных для евреев улицах города. В этих облавах участвовали немцы и полицейские,

помогали им доносчики-черносотенцы. К третьему ноября в помещении древнего монастыря монашеского ордена босых кармелитов, стоящего над обрывистым берегом реки и окруженного высокой и толстой крепостной стеной, были согнаны 2000 человек. Сюда же были приведены те 400 человек, специалистов со своими семьями, которых Редер и Королюк отобрали во время расстрела 15 сентября 1941 г.

Третьего ноября согнанным в монастырь людям было объявлено, чтобы они сложили на пол, на специально очерченный круг все имеющиеся у них при себе драгоценности и деньги. Немецкий офицер объявил, что утаившие ценности не подвергнутся расстрелу, а будут заживо закопаны в землю.

После этого стали выводить на расстрел партиями по 150 человек. Людей строили парами и грузили на машины. Сперва были выведены мужчины, около 800 человек, затем женщины и дети. Некоторые, заключенные в монастырь после страшных избиений, мучений, голода и жажды, после четырех месяцев немецкого палачества, после потери близких, были настолько душевно убиты, что шли на смерть, как на избиение.

Люди становились в смертный че-

В 1995 г.
на еврейском кладбище
было разрушено
пятьдесят памятников.





ред, не стараясь еще на час или два отсрочить миг смерти. Какой-то человек, пробившись к выходу, кричал:

- Евреи, пустите меня вперед, пять минут, и готово, чего же бояться!

В этот день были расстреляны 2000 человек, среди них доктора Цурварг, Барабин, зубной врач Бланк, доктор Либерман, зубной врач Рубинштейн и славившаяся своей красотой его семнадцатилетняя дочь. Этот расстрел был произведен за городом, в районе совхоза Сакулино.

При этом расстреле снова были отобраны, уже у самых ям, 150 лучших ремесленников-специалистов. Их поселили в лагере на Лысой горе. Постепенно в этот лагерь были собраны лучшие специалисты, привезенные из других районов. Всего в лагере насчитывалось около 500 человек.

27 апреля 1942 года были расстреляны зарегистрированные и жившие в городе еврейки, находившиеся в браке с русскими, а также дети, рожденные от смешанных браков. Их оказалось около 70.

Лагерь на Лысой горе существовал до июня 1942 года. 15 июня, на рассвете, ремесленников и членов их семей, бывших в лагере, немцы расстреляли из пулеметов. Лагерь закрыли. При этом расстреле вновь у места казни немцы и полицейские отобрали 60 человек, лучших из лучших специалистов: портных, сапожников, монтеров, каменщиков. Они были заключены в тюрьму и работали на личные нужды сотрудников СД и украинской полиции.

Эти последние 60 евреев, оставшиеся в живых, были расстреляны немцами во время первого наступления Красной Армии на Житомир. При этом расстреле погиб известный всему городу старик Эйельфельд.

Так планомерно немцы казнили двадцатитысячное население Бердичева, от дряхлых стариков до новорожденных детей. Пережили оккупацию лишь несколько евреев, 10-15 человек из 20 тысяч, застигнутых немцами в Бердичеве. Среди спасшихся упомянутые выше пятнадцатилетний Лева Мильмейстер, десятилетний Хаим Ройтман, братья Вульф и Михель Пекелис, сыновья бердичевского печника.

В заключение приведем несколько слов, взятых из красноармейской газеты "За честь Родины", напечатанной 13 января 1944 года:

"Одной из первых ворвалась в Бердичев рота гвардии старшего лейтенанта Башикатова.

В этой роте служил рядовым Исаак Шнеер, уроженец Бердичева. Он убил трех немцев-автоматчиков, пока дошел до Белопольской улицы. Красноармеец с замиранием сердца оглядывался вокруг. Перед ним лежали развалины с детства знакомой улицы. Вышли на



улицу Шевченко. Вот и родительский дом. Целы стены, цела крыша и ставни. Здесь Шнеер узнал от соседа, что немцы убили его отца, мать, сестру, маленьких Борю и Дору.

На Лысой горе еще держались немцы. Утром бойцы по льду перебрались через Гнилопять, пошли на штурм Лысой горы. В первых рядах шел Исаак Шнеер. Он дополз до немецкого пулемета и гранатами убил двух пулеметчиков. Осколком мины Шнееру оторвало ногу, но он остался в строю. Шнеер застрелил еще одного немца и умер, пронзенный разрывной пулей на Лысой горе, где немцы убили его мать. Рядовой Исаак Шнеер похоронен в родном городе на Белопольской улице..."





Гибель еврейской Атлантиды

Бердичев — город в Житомирской области Украины. В 16-18 вв. входил в Брацлавское воеводство Речи Посполитой. В 1793 году вошел в состав России (Волынская губерния). В 1844-45 гг. — это местечко Махновского уезда. С 1845 г. — уездный город Киевской губернии.

Иерусалим Волянья

Писатель Василий Гроссман пишет, что "еще до революции антисемиты и черносотенцы называли Бердичев "еврейской столицей". Но "еврейской столицей" Бердичев считали не только "антисемиты и черносотенцы", но и, прежде всего, сами евреи, в том числе такие выдающиеся писатели, как Шолом-Алейхем, Менделе Мойхер-Сфорим, дер Нистер и другие, неоднократно приезжавшие в этот город в поисках персонажей для своих произведений.

Первое документальное упоминание о "селе Беричиково", которое превратилось позже в город Бердичев, относится к 1546

ные жители иудейского вероисповедания были полностью истреблены бандами Богдана Хмельницкого, подобно евреям находившегося неподалеку местечка Полонное. Там, по свидетельству историка Натана Гановера, казаки вырезали около десяти тысяч "врагов Христовых". Во всяком случае, как отмечает М.Вишницер, "за весь XVII век о еврейском населении Бердичева не сохранилось никаких известий"...

Лишь с начала XVIII века в городе заметна активная деятельность купцов и предпринимателей иудейского вероисповедания. Это отразилось на финансово-экономическом статусе Бердичева. С 1765 года по распоряжению польского короля Станислава Августа в городе стали проводиться ежегодные ярмарки, на которых, благодаря низким таможенным пошлинам, были широко представлены товары из различных стран Европы и Азии.

Согласно переписи, проведенной в том же 1765 году, здесь проживало 220 евреев. Еврейские мужчины чаще всего были ремесленниками, торговцами и шинкарями, то есть содержателями мелких питейных заведений. Эти шинкари были главным объектом ненависти антисемитов — из-за того, что "спивали русский народ".

Русский писатель Николай Лесков, однако, отмечал в своей брошюре "Евреи в России", что "справедливость заставит при этом принять в расчет разность прав и подневольную скученность евреев, при которой иной бы и рад заняться чем иным, но не имеет к тому возможности, ибо в местности, ему дозволенной, есть только один постоянный запрос — на водку".

Хасиды и "просвещенцы"

Как известно, "местности, дозволенные евреям", были очерчены в Российской империи в конце XVIII века, когда после трех разделов Польши в состав России были включены регионы с многочисленным еврейским населением. Бердичев и большая часть Волянии стали частью Российского государства в 1793 году.

К тому времени город считался одним из центров хасидского движения в Восточной Европе, во многом благодаря выдающемуся еврейскому философу и праведнику,



году, а 1593 годом датируется сообщение о том, что "в новозаселенном местечке Бердичев, в котором имеется всего 140 домов, мельница впервые сдана владельцем в аренду еврею за сто монет в год, а мыто плотинное (таможенный сбор) — по грошу с нагруженного воза".

Еврейский историк М.Вишницер, приводя эту цитату в статье "Бердичев" в четвертом томе "Еврейской энциклопедии", отмечает, что "в качестве собственности семьи Тышкевичей Бердичев принадлежал Польше и от середины XIV века до 1793 года представлял одну из значительнейших польских еврейских общин, часто называвшуюся "Иерусалимом Волянья".

Неизвестно, как сложилась судьба еврейской общины Бердичева в период погромного 1648 года, однако, вероятнее всего, мест-



раву Леви-Ицхаку бен-Меиру (Леви-Ицхаку Бердичевскому. В философском наследии рава Леви-Ицхака был особенно ярко выражен один из основных принципов хасидизма – любовь к ближнему.

Деятельность рава Леви-Ицхака и его единомышленников вызывала резкое неприятие сторонников движения "Хаскала". Среди них были разные люди – и блестящие знатоки еврейской традиции с безупречными моральными качествами, и сомнительные "интересанты", стремящиеся удовлетворить личные амбиции и устранить неудобных конкурентов.

Деятельность "просвещенцев" в Бердичеве привела к тому, что в середине XIX века город покинули многие состоятельные купцы и предприниматели, а система общего и профессионального образования для детей и взрослых на долгие годы осталась без нормального финансирования. По данным переписи 1897 года, более 90 процентов еврейских детей в Бердичеве не посещали общеобразовательную школу. Лишь в самом конце XIX положение в сфере образования и социальной поддержки неимущих начало улучшаться. Открылись еврейский приют для сирот, общинные больницы, школы, женское профессиональное училище.

На 1 января 1899 года в Бердичеве из 62 283 человек населения 50 460 были евреями; имелось 7 синагог и 62 еврейских молельных дома против десяти православных церквей и костелов. Количество начальных еврейских школ – хедеров – было в городе столь велико, что даже не регистрировалось.

Каждый ребенок, даже из самой бедной еврейской семьи, получал базовое образование, включавшее изучение иврита, комментированного текста Торы и истории нашего народа. Наиболее талантливые дети могли продолжить свое образование, постигая уникальное по своей масштабности и значимости достижение еврейской философской мысли – Талмуд.

Современные ученые разных национальностей доказали, что изучение Торы и Талмуда не только позволяет получить огромный объем познаний в различных сферах жизни, но и развивает у учеников творческое или, как сейчас нередко говорят, комбинаторное мышление. Неслучайно выпускники хедеров часто становились впоследствии выдающимися математиками, конструкторами, лингвистами, кинорежиссерами и бизнесменами. Другими словами, они преуспевали в тех сферах деятельности, которые требуют комплексного подхода к решению сложных проблем и умения находить правильный выход из нестандартных ситуаций.

Накануне гибели

После октябрьского переворота 1917 года Бердичев наводнили активисты коммунистической Евсекции, которые арестовали сионистов и разоружили отряд еврейской самообороны накануне петлюровских погромов в начале 1919-го. Когда же петлюровцев разгромили, а затем, в июне 1920 года, изгнали из Бердичева польские войска, на жителей города обрушился новый погром – большевистский.

Гражданская война и красный террор привели к тому, что, согласно переписи 1926 года, в Бердичеве проживало лишь чуть больше 30 тысяч евреев.

И в 1926 году более 90 процентов евреев Бердичева объявили своим родным языком идиш. Пытаясь завоевать симпатии еврейского населения, советская власть поначалу всячески демонстрировала принцип равноправия различных народов и языков, на

В последней четверти XVIII века Бердичев стал одним из центров хасидизма, а с начала XIX века – одним из центров еврейского книгопечатания в России.



которых они говорили. До середины 30-х годов в городе действовало несколько еврейских школ, выходила газета "Дер арбейтер" ("Рабочий") с периодичностью 10 номеров в месяц. В 1924 году в Бердичеве был создан первый на Украине суд, где делопроизводство велось на языке идиш.

Однако накануне Второй мировой войны и, в особенности, после заключения пакта Молотова-Риббентропа, еврейская культурно-просветительская деятельность в городе была сведена практически к нулю. Единственным очагом национально-религиозной жизни евреев Бердичева в предвоенные годы была подпольная йешива хасидов ХА-БАДа.

Александр Риман

По данным конца XIX века, 20% еврейского населения Бердичева жило за счет благотворительности.





Когда меня спросят — что ты делал на этой земле, я отвечу: я не забыл тех, кто погиб в Катастрофе.
Симон Визенталь

...
Теперь Освенцим часто снится мне...
Борис Слуцкий

Мой номер горя — 181851

Я, Шинталь Беник, родился в 1918 году в Явожно, Краковской области. Родился в Польше, которая стала для гитлеровцев полигоном для уничтожения евреев. До начала войны успел закончить техникум. Работал слесарем, паяльщиком, сварщиком. Любил свое местечко, хорошо знал его людей. Любил жизнь со всем хорошим и тревожным, что в ней было.

Но пришли фашисты и захотели отобрать у меня мою любовь к жизни. Я стал узником концлагеря. За годы войны и оккупации я был узником 12 концлагерей: Освенцима, Бранде, Гузи-2, Матхаузена и других. Мой номер у меня на руке — 181851.

Легкий для запоминания номер моего горя. Но фашистам не удалось отобрать у меня самое главное потому, что я выжил и моя любовь к жизни после всех испытаний не ослабла, а стала еще сильнее.

4 мая 1945 года я стал свободным человеком. Меня не обступала больше смертоносная колючая проволока. Я мог выбрать место для жизни.

Вскоре я сделал свой выбор: в 1949 году приехал в молодой Израиль и отдал ему все свои силы, всю свою любовь. Воевал, строил, снова воевал, снова строил. Вся история моего государства в моем сердце и в моих многочисленных ранах.



был голод. Приходилось с риском для жизни лезть через забор и менять оставшиеся вещи на картошку и другие овощи.

Был организован Юденрад, который занимался отправкой евреев на работу к немцам.

Я работал сначала на прокладке кабеля Берки-Винница, а потом меня и еще четверых ребят отправили чистить лошадей эсэсовцев и конной полиции.

В августе 1942 года 200 евреев отправили копать ямы за городом. Никто не знал, с какой целью это делалось.

1 сентября началась первая акция по уничтожению евреев. Я со своей семьей спрятался на чердаке. Акция длилась 15 дней. Нас не нашли. Потом мне чудом удалось сбежать в село к знакомому украинцу, который меня приютил. Но родители остались в гетто, где 12 ноября 1942 года началась вторая акция. Отца, мать и сестренку расстреляли.

Я сидел в подвале до 12 декабря. Потом выбрался наружу. В гетто остались только евреев, имеющих какую-то полезную специальность. На каждом шагу в гетто нас поджидала смерть. Был страшный голод. Люди не выдерживали его и умирали на глазах своих родных от голода



"На каждом шагу нас поджидала смерть..."

Я, Басс Мотл, родился в 1926 году в польском городе Владимир-Волынский.

В сентябре 1939 года в город вошла Красная Армия, и он перешел к Советскому Союзу. Город стал пограничным. По Западному Бугу проходила граница с Германией.

23 июня 1941 года город, где проживало 17 тысяч евреев, был оккупирован фашистами. С первых дней начались облавы на евреев. Ловили, в основном, мужчин. Их расстреливали в тюрьме. В апреле 1942 года начали строить гетто. Часть города была окружена забором из колючей проволоки высотой в три метра. В гетто с самого начала



и холода. В декабре 1943 года фашисты провели третью акцию по уничтожению евреев.

В январе 1944 года я снова бежал из гетто и попал к польским партизанам. В июне 1944 года мы соединились с частями Советской армии. Меня забрали в армию, и войну я закончил на западе, под Прагой. Затем наша часть была переброшена на восток для войны с Японией. В 1948 году я вернулся в свой родной город, где жил до выезда в Израиль в декабре 1994 года.

Заложники смерти

Родилась я в маленьком местечке в Бессарабии. Несмотря на то, что наше местечко было небольшим, здесь жило много зажиточных людей. В основном это были ювелиры, кожевники, ремесленники. Жизнь в нашем местечке протекала тихо и мирно. Была синагога, соблюдались еврейские традиции.

В нашем местечке даже была школа на идиш. И еврейский язык был равноправным языком, как русский и молдавский.



Семья моя была небольшая – мама, папа и я. Перед самой войной я вышла замуж. Сменила девичью фамилию Пархилевская на фамилию мужа – Староста. Мы жили богато, а в семье моего мужа было пятеро детей-сирот, которых воспитывала мачеха – мать умерла, когда моему будущему мужу было всего шесть лет... В общем, мои родители предложили мужу перейти жить к нам.



Перед самой войной участились случаи антисемитизма. Начались притеснения евреев. Их перестали принимать на работу. Такого в Бессарабии прежде не было.

Появились большие очереди за хлебом, заниматься очередь приходилось с вечера.

Перед тем, как в наше местечко вошли фашисты, была страшная бомбежка. Многие люди погибли. Было много раненых. Дети потеряли родителей. Родители – детей.

Нам пришлось бежать. К счастью, у нас была подвода.

Точно не зная, куда держать путь, мы решили двигаться на Украину. Пришлось долго идти пешком, так как в подводе мы везли детей, больных и вещи попутчиков. Помню, что в одной деревне нас обокрали.

Однажды мы увидели немцев, спускавшихся на парашютах, и спрятались в поле, сидели в укрытии двое суток без пищи и воды.

Во время нашего бегства многие люди советовали нам вернуться снова в Бессарабию, мол, немцы евреев не трогают. Но это был самый настоящий обман. Мы потом узнали, что все вернувшиеся обратно, были зверски убиты фашистами.

Мои родители решили ехать в город Балту Одесской области. Здесь мы поселились в одной из пустующих квартир. Но вскоре пришли фашисты и забрали всех мужчин в концлагерь. Мы, женщины и дети, остались одни. Все мы стали заложниками смерти.

Потом было организовано гетто. Нас перевели в бараки. Спали на нарах. С утра и до поздней ночи работали. Нашей пищей был лишь один кочан кукурузы в день.

Мой муж и отец находились в концлагере в двенадцати километрах от гетто. Мне иногда удавалось сходить к ним, отнести что-то поесть. Однажды охранники натравили на меня собак. Когда я оглядываюсь назад и вспоминаю, вижу, что какая-то непостижимая удача не оставляла нас. Мне удалось поговорить с комендантом, и он разрешил



перевести мужа и отца к нам в гетто. Так мы снова оказались вместе. Это было чудо, хотя назвать легкой нашу жизнь невозможно. Теснились по три-четыре семьи в одной комнатухе, а потом нас выкинули на улицу и вся семья несколько дней находилась под открытым небом. В 1942 году нас поместили в какую-то конюшню. У нас не было ни воды, ни хлеба. Люди стояли у дверей, кричали, просили воды. Но никто не подходил к дверям. Очень много людей погибло там от голода и болезней.

В 1944 году нас освободили. Когда пришли русские, мужа забрали в на фронт. И снова удача не оставила нас – он вернулся. В 1973 году мы приехали в Израиль. Здесь родились и живут мои дети, мои внуки. Когда не стало мужа, утешением мне была мысль о том, что какие мы с ним все-таки везучие – ведь это счастье, что нам удалось не только выжить, но и провести остаток дней в своей стране.

Я вышла живой из "Мертвой петли"

Я, Кижнер Соня (девичья фамилия Кантор), родилась в 1922 году в украинском городе Могилев-Подольск Винницкой области. Во время войны, начиная с 1941 года, находилась в оккупации в этом же городе. А если точнее сказать, то все годы войны – до дня освобождения в 1944 – была в фашистском плену.

Вначале я попала в гетто, а потом меня перевели в концлагерь "Печора", который был создан недалеко от нашего города, в той же Винницкой области. И если мне память не изменяет, этот лагерь имел и другое название – "Мертвая петля".

Мы находились на небольшой, огороженной колючей проволокой территории, практически без пищи и воды.

Из этого лагеря почти никто не дожил до освобождения, единицы остались в живых.

Это были страшные дни и годы. Лучше не вспоминать...

У меня сохранилась одна старая фотография. На ней сфотографирован памятник моей тети, умершей в гетто от голода в сорок третьем году. Такая же участь ждала и меня, если бы не доброе сердце русской женщины по имени Полина, она помогала мне продуктами, спасла меня от голодной смерти.

После войны я навещала семью Полины и до сегодняшнего дня храню теплые чувства об этой женщине...



Чего ты хочешь от меня, война?
Ведь ты же отзвучала в медном громе
большой победы. Разве не сполна
мы разочлись?
Но ты все ждешь чего-то,
какого-то последнего расчета...

Мargarita Алигер

...

Мы этот пламень помнить
вечно будем,
И этот пепел – он неискупим.

Будь проклят тот, кто скажет нам: "Забудем".
Будь проклят тот, кто скажет нам: "Простим".

Микола Бажан



- Хорошо,
если выстрелят в рот.
- Это, доченька,
как повезет.
Алла Айзеншарф



Дети Холокоста,
Нас осталась горстка.
Все дороги наши —
Путь в Иерусалим.
Евгений Скороход



"Каждый день умирало человек двадцать..."

Я Аня Вайнер, родилась в 1929 году в небольшом местечке Лучинец Винницкой области.

С любовью вспоминаю наше местечко, где маленькие улочки даже не имели названий, а все жители знали друг друга, с радостью приглашали в гости и сами любили ходить по гостям.

Еврейские семьи жили очень дружно, среди них было много мастеров. А мастерские



находились в центре местечка — там, где базарная площадь, на которой иногда проводились ярмарки.

Семья наша состояла из четырех человек. У нас был свой дом. Жили зажиточно. Мама занималась домашним хозяйством и воспитанием детей.

Уже в начале 1941 года стало нарастать напряжение в отношениях между евреями и украинцами. А когда началась война, многие из наших соседей стали откровенно оскорблять и унижать евреев. Некоторые украинцы сразу после прихода фашистов пошли служить полицией.

Перед магазинами появились длинные очереди, на окнах — светомаскировка. Наша жизнь наполнилась страхом и ужасом ожидания. Мы не знали что делать?

Папа очень не хотел уходить из местечка, но жизнь наша стала совершенно невыносимой.

К тому времени многие наши соседи уже убежали. Наконец, и мы решили уехать подальше в тыл, где было менее опасно. Сговорились с оставшимися соседями, наняли подводу и убежали. Но было уже поздно.

По дороге в Умань мы остановились ненадолго в доме, где жила украинская семья. В это время во двор забрели немцы. Увидели вещи во дворе и зашли в дом. Нас вывели во двор, построили. Я в то время была совсем еще девочкой, мне было всего 14 лет, многого не понимала. Немцы сказали, что берут нас на работу, что мы должны помогать им. Мама, как услышала эти слова, сразу сказала, что надо убежать.

Я незаметно пошла на кухню, выбила стекло в окне, сильно при этом поранив руку — до сих пор остался шрам. Вылезла и побежала, но немцы услышали грохот и выскочили за мной, начали стрелять.

Мне удалось добежать до поля, где я спряталась в кукурузе. Но из раны очень сильно текла кровь, и я была вынуждена вернуться в дом. То, что я увидела и услышала там, потрясло меня.

Девочка, которая выехала вместе с нами, была изнасилована и сильно избита. Моего папу вначале страшно избили, а потом бросили в подвал. Вытащили мы его оттуда еле живого. Было ясно, что надо возвращаться домой, в Лучинец.

Вернувшись, мы не узнали свой дом: наши же соседи вынесли из него все подчистую. Папа сколотил лежанку из досок, на ней все и спали. Так мы прожили до 1945 года, потому что наш дом попал в район, отведенный фашистами под гетто. И мы жили вроде бы в своем доме, но в тоже время и в гетто, за колючей проволокой.

К нам подселили еще несколько семей. Было очень тесно, но все помогали друг другу, жили дружно. Только новые семьи прибывали и прибывали, их распределяли по домам, и к нам — все новых и новых. Теснота стала неимоверной. Начался голод, болезни, эпидемии. Свиристствовали тиф, чесотка.

Каждый день в гетто умирало до двадцати человек. Все тела сбрасывали в одну общую



яму или сваливали в кучу, а собаки потом растаскивали трупы.

Помню, в одной еврейской семье была маленькая девочка, которая заболела тифом. Я иногда носила ей что-то поесть. Немного, сами жили впроголодь. Мне не удалось ее спасти, она умерла от голода. Эта девочка надолго осталась у меня в памяти.

Я тоже заразилась и сильно болела. Так сильно, что еле-еле выздоровела. С трудом мне удалось встать на ноги.



Жизнь в гетто была постоянной борьбой за выживание. Фашисты регулярно проводили акции по истреблению евреев. Комендантский час, переключки, чуть опоздал или задержался – расстрел.

Раз в месяц начинали стучать барабаны, и все жители гетто должны были выходить на всеобщую переключку. Зимой в холод – все стоят полурасдетые, голодные. Многие люди не выдерживали, падали на переключке, тут же и умирали.

Во время переключки гитлеровцы отбирали мужчин и отправляли их на работу. Так забрали и нашего папу. Но он успел до того, как это случилось, сделать потайной ход, где мы часто прятались.

На одной из переключек меня схватили и бросили в амбар. Узнав об этом, мама потеряла сознание, упала, и ее за это очень сильно избили.

В амбар, где я оказалась, постоянно вталкивали новых людей. Однажды я толкнула входную дверь и сбила стоявшего снаружи полиция. Это могло плохо кончиться. Чтобы он меня не наказал, не сообщил фашистам, нужно было дать ему какой-то выкуп. Мама собрала ценные вещи, золото и все это отнесла тому полицию. А он меня отпустил! После этого случая я целый месяц лежала больная, не могла встать.

Но надо было приходить себя, что-то делать. Я работала по дому, ухаживала за скотиной, трудилась в огороде. За эту работу я получала мизерное питание, но и эта оплата была нам за счастье.

Однажды я шла домой, как вдруг увидела, что навстречу какой-то немец идет. Испугалась страшно, хотела бежать. Он остановил меня и сказал: "Не бойся, я партизан. Мы находимся в лесу, приходи к нам".

В один из ближайших дней я с подружкой пошла в лес, но там было так темно, что мы побоялись зайти. На обратном пути нам встретились полиция. Они забрали меня в участок. Били нагайкой из проволоки. И опять меня выручила мама. Она собрала все остатки ценных вещей и отнесла тем полициям.

Отлежалась. Когда мне стало немного легче, я вновь начала работать. Крестьяне, жившие рядом с гетто, часто подходили к колючей проволоке и продавали продукты, меняли их на золотые вещи. Многие из них очень раз-

богатели на еврейском несчастье.

У меня был очень тяжелый период. Несмотря на все трудности, невзгоды, когда мы каждую минуту ожидали смерти, я влюбилась в одного мальчика. Он жил со своей семьей рядом с нами. Когда я болела, он очень переживал за меня, передавал продукты, а иногда просто бросал их в форточку.

Во время очередной переключки фашисты отобрали пять мужчин, в том числе моего папу и парня, который мне нравился. Их отправили на работу: копать торф.

Они решили совершить побег. Но неудачно, их поймали – фашисты пустили собак по следу. Папа успел спрятаться, а остальных расстреляли. Папа все видел, но помочь не мог. Я очень переживала, плакала, ведь это была моя первая любовь...

Смотреть, как страдали люди, было тяжело. Я старалась помочь, порой даже с риском для жизни. Однажды я стояла у дороги, а передо мной проходили этапом люди. Среди них я увидела босую девочку. Зимой – босиком! Я сняла свои единственные туфли и отдала ей. Домой вернулась без обуви.

В другой раз я спасла от смерти человека, у которого были отморожены ноги. Много лет спустя, в 1972 году, совершенно случайно я его встретила. Знаете, какая трогательная была встреча...

Я часто пряталась на чердаке. Там был мой наблюдательный пункт. И вот я увидела, как в гетто вошли люди, одетые в фашистскую форму. Я не догадывалась, что это были переодетые партизаны. Им удалось хитростью вывести коменданта и его охрану на поле, где их расстреляли из пулемета.

В 1944 году мы были освобождены. Радости не было предела. Люди радовались, обнимались. Даже не верилось, что все мучения позади.

В 1973 году я со своей семьей – муж, дети, внуки – переехала в Израиль, на историческую Родину. Мы здесь все очень счастливы. Наконец, за наши муки и страдания мы обрели душевный покой...



За то, что зной
полуденной Эсфири,
Как горечь померанца, как мечту,
Мы сохранили и в холодном мире,
Где птицы застывают на лету,
За то, что нами говорит тревога,
За то, что с нами водится луна,
За то, что есть петлистая дорога
И что слеза не в меру солона,
Что наших девушек
отличен волос,
Не те глаза и выговор не тот, —
Нас больше нет.
Остался только холод.
Трава кусается, и камень жжет.

Илья Эренбург





Всегда была надежда – выжить

Анна Вайнер, историю которой вы только что прочли, и ее муж Биньямин (Борис) Вайнер скоро отметят свою бриллиантовую свадьбу. Шестьдесят лет они прожили вместе и столько же лет их объединяет не только любовь, но и память. Память о Холокосте...

Во время войны дом семья парикмахера Вольфа Зицера, как и пекаря Вайнера, также находилась в гетто – отец и мать, сам Биньямин, его сестры, брат отца с женой и пятью детьми.

От голода и побоев Вольф заболел, ему становилось все хуже и хуже. Когда приезжал местный комендант, полицаи с помощью прикладов выгоняли всех евреев – больных, взрослых,

вал еду, чистил коровники, убирал навоз, вместо лошади впрягался в плуг и пахал землю. Однажды его поймали при попытке уйти из гетто, чтобы достать что-то съестное. Фашисты зверски избили парнишку и бросили в подвал. У них появилось новое развлечение – заставлять Бориса считать волосы в хвосте у лошади. Так продолжалось три года.

Весной 1944 года Красная Армия принесла освобождение узникам гетто. Это был настоящий праздник для измученных, изможденных, одетых в невероятные лохмотья людей. Многие полицаи за свои зверства были приговорены к смерти.

Сразу же после освобождения Борис Зицер вер-

"Я себе не могу отдать ответа
в моих чувствах, но очень
тяжело, стыдно. Не за себя,
но за людей, которые смотрят
на это безразлично или со
злорадством. Они меня
не поймут.

Что, он жалеет жидов?!..."



детей, стариков – на переключку. Вольф уже не мог выходить. За такое неподчинение приказу его сын Борис получал по двадцать пять ударов плетью.

Долго так продолжаться не могло, и, семья Зицер сбежала из гетто. Они пошли пешком в Могилев-Подольск. Там тоже было гетто, но условия жизни в нем были чуть лучше.

По дороге их остановили румынские жандармы, решившие поиздеваться над незащитными людьми. Для начала всех – и мужчин, и женщин – запрягли, словно лошадей, и они везли подводу с жандармами. Потом их стали бить плетками. При этом, они спрашивали у Бориса: "От чего легче умереть, жид, от плеток или от пули?"

Вольф умер. Борис сам прочитал кадиш, потом положил тело отца на санки, накрыл какой-то тряпкой и отвез к большой яме. Кладбища не было, и люди были вынуждены оставлять умерших здесь. Борис запомнил, что из ямы очень сильно пахло, и собаки здесь крутились постоянно.

После смерти отца обязанности главы семьи взял на себя Борис. Рискуя жизнью, он доста-

нулся в Черновцы. Только одну ночь он успел переночевать в пустом и холодном доме, где прежде жила шумная и жизнерадостная семья. Утром его разбудил настойчивый стук в дверь. На пороге стоял военный. Без долгих объяснений он приказал взять одежду, продукты на три дня и явиться в военкомат.

Сборы были короткими, поскольку у Биньямина не было ни того, ни другого. Новобранцев повезли на восток. Прибыв на фронт, Борис стал бойцом 99-го гвардейского полка II армии Белорусского фронта. Он мечтал отомстить фашистам и рвался в бой. Не раз был ранен, перенес несколько сложных операций. Лечился в госпитале в Москве.

За героизм и мужество Борис Зицер отмечен правительственными наградами.

После Победы он вернулся в сопровождении медсестры домой, в Черновцы. Самостоятельно он в то время еще не мог передвигаться.

Но долго сидеть дома без дела фронтовик не захотел, устроился мастером на трикотажную фабрику. Здесь встретился с Анной Вайнер. Но эту историю вы уже знаете.





Девочка под номером 860

Меня зовут Гита Яковлева, и я тоже расскажу вам свою историю. Когда фашисты пришли в мой родной город, в Могилев, они сразу же ввели новые правила, которыми жители города должны были следовать беспрекословно.

Один из первых приказов был о том, чтобы все евреи собрались на центральной площади, и при этом на груди у каждого должна быть пришита желтая звезда с надписью "Юде".

С собой разрешалось взять только хорошие вещи – золото, драгоценности.

Не все евреи готовы были выполнять приказ, многие понимали, что их ждет смерть, а потому поспешили как-то скрыться, спрятаться. Естественно, на них устроили охоту, начались страшные облавы. Страшное было время. Сколько людей нажилось на трагедии Mogilevских евреев... Сколько наших девушек были изнасилованы, убиты...

Я не пошла на площадь, а спряталась на кладбище и видела своими глазами, как всех евреев вначале загнали в сарай, а потом построили в колонну и отправили в гетто. Отца расстреляли там по доносу.



Мне было очень страшно и тяжело. Надежды на то, что я выберусь из этого ада, почти не оставалось. Но мне повезло, мне очень повезло: моя учительница достала мне документы на Шпакову Нину Федоровну, 1924 года рождения, белоруску по национальности. С этими документами мне удалось сбежать, избежать участи тех, кто оказался в гетто.

Помню, как долго я скиталась по окрестностям, хотела попасть в партизанский отряд, но меня не взяли. Пришлось выживать в одиночку.

Во время скитаний я все время старалась подойти поближе к линии фронта. У меня не было теплой одежды, а морозы все больше давали знать о себе. Однажды на дороге меня остановил полицейский. Он проверил документы. Я сказала, что иду из детского дома, что наш детдом разбомбили. Он принес мне окровавленную одежду, которую снял с кого-то из убитых евреев и отправил меня в детский дом. Счастье было недолгим – ночью весь детский дом вывезли в Германию.

Сейчас я живу в Алматы, мне много лет, но память все еще мучит меня по ночам, я снова вижу себя Mogilevской девочкой, оставшейся одной посреди войны.

■■■

Мальчик под номером 2701

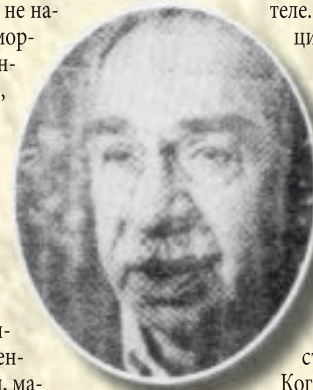
Нет больше родителей. Нет больше детей. Нет больше евреев. Все разрушено. Одни голые стены остались от моего родного Каунаса, города, где я родился и рос, пока не началась война. Отец – военно-морской атташе – погиб в Ленинграде. Мама, военный врач, погибла во время бомбежки...

Меня зовут Иса Астрадамов. В одиннадцать лет я стал узником концлагеря. Не помню, как он назывался. На меня надели полосатую форму. Я стал врагом, которого все хотят уничтожить. Потом меня с очередной партией заключенных перевели Освенцим. Эшелон, в котором ехал я, маленький Иса, пришел в лагерь смерти 1 августа 1944 года. Тогда еще никто из прибывших не знал, что такое Освенцим.

Потом мы увидели трубы четырех крематориев, которые дымили день и ночь.

Освенцим – это удушливый запах жженного человеческого мяса. Это подъем в пять часов утра и построение на аппельплац.

Освенцим – это друзья-мальчишки, которые, не выдержав многочасового стояния, падали на землю. Их рвали собаки. Потом безжизненные тела увозили в крематорий.



Освенцим – это вечный страх и вечное желание есть.

Это дети, у которых не было будущего, не было имен, только номера на куртке, штанах и теле. А мы, маленькие узники Освенцима, вопреки всему, знали друг друга по именам и, бывало, делились последним несладким кусочком хлеба.

Мы тайком играли в бараке в нехитрые детские игры и пели песенки.

Особенно я любил песню о Москве, которую никогда не видел.

У нас уже не было ни прошлого, ни будущего. Не было и настоящего.

Когда пришли советские войска, у них уже не было сил радоваться освобождению.

Они просто смотрели на людей с красными звездами. Солдаты и медсестры плакали, глядя на них.

Я выжил и вернулся домой, в Каунас. Дома не было. Родители, родственники – их уже не было на свете. Я остался один. Мне было всего 15 лет. И надо было жить дальше...

Сейчас я живу в Алматы. И номер на моей руке до самой смерти не даст мне покоя.

■■■



Эсэсовец Туман не пропускал ни

одного расстрела, ни одной казни.

Если автомобиль был доверху

набит жертвами, он вскакивал на

подножку и ехал на казнь.

...

Шеф крематория Мунфельд жил

в крематории. Трупный запах, от

которого задыхался весь Люблин,

не смущал его. Он говорил, что от

жареных трупов хорошо пахнет.



Сроку давности не подлежит

Среди массы испытуемых оказался субъект, которого температура, доведенная до 26,5 градусов не умертвила, который преодолел этот намеченный учеными смертный барьер. Чтобы умертвить этого могучего человека, пришлось морозить его еще 80 минут. Его жизненная сила привела в восторг медиков, но они прикончили его "во имя науки".

...

Действовавшая в лагере подпольная организация заключенных 28 апреля 1945, за день до прихода американских войск, подняла восстание, сорвав фашистский план уничтожения оставшихся в живых заключенных.



Немногие знают прелестный городок Дахау, но все знают концлагерь с этим именем. Он был создан как тюрьма для уголовных преступников в 1929 году. Немедленно с приходом Гитлера к власти, в 1933 году, тюрьму превратили в концлагерь. Первыми заключенными были те, кто принадлежал к антигитлеровской оппозиции, без следствия и суда брошены были за колючую проволоку германские социал-демократы и коммунисты. В 1938 году в лагере появились евреи. Этим, чтобы стать заключенными концентрационного лагеря Дахау, не надо было находиться в оппозиции к Гитлеру, достаточно было быть евреем.

С появлением евреев впервые ввели "знаки различия", нашивки: желтые — для евреев, красные — для социал-демократов и коммунистов, зеленые — для военнопленных и другие. Ошибки не допускались. До 1941

почти законспирированной, научно-исследовательской лабораторией. Даже жители городка знали, кто размещался по соседству.

Откуда же в Дахау были газовые камеры, крематории, сюда подходила ветка железной дороги для доставки жертв и дорога для вывозки органических удобрений, сырьем которых был человеческий пепел?

Лагерь Дахау не случайно был так глубоко засекречен, как никакая иная гитлеровская фабрика смерти. Здесь на научной основе разрабатывалась технология уничтожения и директивы для других "предприятий". Пользуясь живым "сырьем", они определяли требования к качеству отравляющего газа, размер крематория для обеспечения необходимой пропускной способности, количество и размеры нар, минимально необходимые размеры команд охраны и количество часов ежедневной тренировки персонала, частоту смены смертников, работающих на сжигании трупов, частоту подачи поездов с обреченными, рекомендации, связанные с использованием детей как доноров крови для нацистских солдат и многое-многое другое. Рекомендации утверждались лично Гитлером.

В Дахау ежедневно прибывало "пополнение". "Новичков" обычно приводили в законном виде и выстраивали возле главных ворот. Они часто бывали избиты и измождены, потому что попадали в лагерь из тюрем, застенков гестапо, других концлагерей или карательных лагерей.

Приходили поезда из Бухенвальда, Заксенхаузена, Маутхаузена, Освенцима и других страшных мест. В Дахау также набирали пополнение для других лагерей. Часто приходил транспорт, почти наполовину набитый мертвыми людьми. Оставшиеся в живых "обрабатывались" соответствующим образом. У тех, кто был в "гражданке", одежду отбирали, выдавая взамен полосатую. Вместо ботинок давали "пантофли" или колод-



года это еще не был лагерь уничтожения, хотя еврея можно было убить по желанию рядового охранника просто так, от скуки.

Дахау и не был никогда фабрикой смерти, хотя он непрерывно расширялся, включая в себя новые и новые территории и проглатывая все больше и больше жертв. Лагерь был глубоко спрятанной в глубине Германии,

ЛАГЕРЬ СМЕРТИ



ки. Отбиралось все мало-мальски ценное и запиралось в вещевые камеры. После обработки в бане их направляли в карантинные блоки, исповедуя принцип разделения по национальному признаку.

Еще во время карантина врачи из СС проводили отбор наиболее здоровых и сильных для опытов над ними в так называемом "Ревире". Здесь проводились медицинские эксперименты на живых людях. Самой популярной была разработка, связанная с медленным и быстрым охлаждением организма, выполнялся опыт, показывавший, насколько высокую температуру и в течение какого времени может выдержать человеческий организм. Для этого людей варили живьем. Людей запирали в совершенно темных камерах на длительное время, а затем включали очень яркий свет; морили голодом или жаждой, постепенно откачивали кислород, лишали сна, заражали мучительными инфекционными болезнями, испытывали ожогами разной степени и площади покрытия, сводили с ума. Особенно изуверскими были опыты над беременными и их не родившимися младенцами. С точки зрения эффективности и для получения наиболее точных результатов, обреченных иногда подлечивали, чтобы опыт повторить, иногда многократно.

— Нас было 10 человек, — рассказывает один из бывших заключенных Дахау. — Вечером совершенно раздетых нас вывели во двор и разложили на столах. Каждому сделали какие-то уколы. Сначала я был в памяти, а потом потерял сознание и очнулся только утром на койке в пятом блоке. Из замороженных в живых осталось только трое. Вскоре скончался и еще один. Отогревание проводилось различными способами с помощью препаратов, шерстяных одеял, спирта, тепловых лучей, горячих ванн и даже женских тел...

Несмотря на то, что люди умирали в лагере повсюду — в карантинных и рабочих блоках, тюрьме лагеря, — больше всего умерших всегда вывозили из реверных бараков...

Невероятны способы обеспечения отдыха и развлечений немецкого персонала, солдат охраны и эсэсовцев. Это было только в Дахау.

В свободное от "службы" время они наслаждались "боями гладиаторов". Команды были, конечно, составлены из смертников. Содержание, пытки, эксперименты были настолько невыносимы, что многие сами просились в "гладиаторы". Любимым развлечением эсэсовцев было посещение "комнаты висельников", где обреченным предлагали повеситься. К их услугам были подготовлены крюки, веревки, скамейки. Изнасилование женщин в присутствии их мужей было тоже очень популярным занятием. После акта изнасилования сам насильник убивал свою жертву электрическим током.

Возле самого лагеря напротив тридцатого блока немцы построили два крематория. Один на две печи — старый, другой на четыре

— новый, огорожив их трехметровой стеной.

В корпусе нового крематория были оборудованы четыре газовые камеры, камеры для пыток и расстрела заключенных, помещение для складирования трупов. Сжигание проводили в печах крематория. Дымоходные трубы всех четырех печей соединялись в одну. Она высокая, четырехугольная, около двух метров в диаметре, возвышалась над зданием. Сам крематорий своей размеренной работой напоминал жуткую фабрику. Слышался гул, из трубы валил черно-бурый дым с сильным трупным запахом. В сырую ненастную погоду он всегда стелился по земле. Сжигание часто не прервалось несколько суток подряд, поглощая все новые и новые сотни трупов.

Двадцать пятое апреля прошло в постоянном беспокойстве. Днем прибывали все новые колонны заключенных. В действиях каждого чувствовалось беспокойное ожидание, все переживали за свою судьбу. Союзная авиация в этот день сыграла хороший джаз по Мюнхену и Дахау. Отчетливо были слышны пулеметные очереди самолетов. Чувствовались близость фронта и скорое окончание войны. Каждый жаждал внезапного освобождения. Но, увы! Ночью началась "эвакуация" в альпийские горы — на расстрел. В первую "группу эвакуируемых" попали русские, евреи и немцы. Каждые 200 человек были оцеплены эсэсовской охраной с собаками.

— В первый день мы шли двадцать один час, — рассказывает один из выживших. — Отстающих нещадно избивали, а если это не помогало, просто убивали. Извилистые дороги вокруг Мюнхена были усеяны трупами в полосатой одежде. Вот показались вершины гор, покрытые снегом, Альпы. Всех евреев отвели в ущелье и расстреляли, немцев тоже уничтожили, а нас, русских, погнали дальше.

Наступил вечер 30 апреля. Стремительно наступающая американская колонна посеяла панику в рядах эсэсовцев. Мы заключенные, почувствовав возможность освобождения, ринулись через мосты, заминированные немецкими саперами. В этот момент и у меня откуда ни возьмись появились силы. Я пробежал эти мосты. Отступающая охрана с руганью расстреливала всех заключенных, которых могла достать, а я со своим другом Федей сумел спастись. Счастливых оказалось немного. От покинувшей лагерь колонны остались единицы...

Лагерь Дахау был освобожден 29 апреля 1945 года, всего за несколько дней до окончания войны. Горели бараки, горели люди... Освободила город и концлагерь прорвавшаяся на большой скорости с боем американская бронетанковая дивизия. В момент освобождения в лагере находились 30 тысяч узников.



Своего сына комендант лагеря воспитывал его в нацистском духе. В день рождения вместо именинного пирога с соответствующим количеством свечей ему позволяли расстреливать такое же количество пленных — 12, 13. Но расстрелять 14 ему не удалось.

...

На железных ворот лагеря висела выведенная из кованого железа надпись: "Каждому свое". Говорят, это остроумие самого фюрера.

В 1960 в Дахау открыт памятник погибшим.





Одна спасенная жизнь...



Потому что у тебя беда,
Потому что на тебе звезда,
Потому что твой отец другой,
Потому что у других покой.

Илья Эрэнбург

...

Тетя Поля нам сказала:
- Ты с сегодня будешь Галя.
Ты — не Мэра, а Маруся.
Может, вас и не убьют.
Мы молчим, а тетя Поля
в свой платок зеленый плачет
и уходит, потому что
тетю Полю дома ждут.
А какая-то ворона
прицепилась, скачет, скачет:
- Как теперь тебя зовут?

Алла Айзеншарф

"Кто спасает одну жизнь, спасает весь мир..." — эта фраза из Талмуда написана на медали "Праведник мира". Всего одна, лишь одна еврейская женщина была спасена этой Праведницей Мира от неминуемой гибели. Одна-единственная душа вырвалась из лап Холокоста, не захлебнулась кровью в расстрельном рву, не улетела в небо дымом из фашистской печи. Но это еврейская душа, а им Всевышний, как известно, ведет особый счет

Александра Карнаухова родилась 1 мая 1904 года. Жила вместе с сестрой в Харькове, на улице Гражданской — в небольшом собственном домике. При доме садик-огород, в котором она продолжала трудиться даже в 90 лет. Каждый год ведро яблок отдавала в детский сад, что стоял напротив ее дома. И никто из соседей не знал, что в годы оккупации Харькова в этом самом доме Александра Григорьевна прятала незнакомую еврейскую девушку.

В те дни немецкие войска уже вступили на улицы Харькова. Муж Александры, артист театра им. Шевченко, был на фронте, и ей самой приходилось ходить к колонке за водой. В тот день она возвращалась домой, на коромысле покачивались полные ведра, грозя расплескаться при каждом шаге.

В скверике над рекой Александра заметила одиноко стоявшую девушку, которая не обращала внимания на шум и панику, царившие вокруг. Какое-то совершенно безнадежное выражение лица этой усталой и измученной девушки заставило Шуру подойти к ней. Вначале бедняжка не хотела даже разговаривать, потом попросила напиток, а затем, почувствовав вдруг доверие к этой приятной женщине, рассказала, что идет из Днепропетровска, из Дома инвалидов, в Харькове у нее никого нет. Она назвалась Дарьей. Александра Григорьевна, не долго думая, забрала Дашу к себе.

Младшая сестра была против того, чтобы рисковать своими жизнями ради совершенно незнакомой человека. Она все время твердила, что надо сообщить о девушке немцам, потому что Дарья — еврейка. В одну из ночей, лежа рядом в постели, Шура шепотом спросила девушку, правду ли говорит сестра. "Да, я еврейка и зовут меня Дорой". А в ответ услышала: "Ты никому больше не говори об этом, хорошо?"

Когда полстолетия спустя, мы сидели на деревянном крылечке дома, в котором Александра Григорьевна спасла Дору Морскую, она вдруг показала на старое, уже почти сухое, высокое дерево, росшее напротив: "Моя сестра мне каждый день кричала: "Вот на этом дереве ты будешь висеть вместе со своей жидовкой".

Три месяца жила Дора у сестер Карнауховых. Становилось очень опасно — приходилось опасаться не только соседей, которые явно что-то подозревали, но и младшую сестру, которая однажды совсем было вышла из себя и заявила, что завтра пойдет в полицию. Еле упростила ее Шура подождать еще пару дней. За это время ей удалось через знакомого полицейского достать в комендатуре временный паспорт на якобы свою приехавшую родственницу Дарью Морскую. Так

как "родственница" была инвалидом, Александра устроила ее в Красноградский Дом инвалидов, что под Харьковом, и помогла туда добраться.

Так и жила до прихода советских войск Дора Морская в Доме инвалидов — под чужим именем, скрывая свою национальность.

После войны обе они — спасительница и спасенная — остались в Харькове. Поначалу виделись часто, когда помоложе были. Потом лет десять не встречались. Причина понятна: Дора — инвалид первой группы, не выходит из дому, а у Александры не было телефона, и сама она уже не смогла бы добраться на другой конец города.

Переписывались, посылали друг другу открытки. И мечтали, мечтали хотя бы еще раз увидеться.

Это произошло в 1993 году, когда благотворительные организации решили сделать им подарок и оплатили машину. И встреча состоялась. Шура, уже согбенная старушка, повезла яблоки из своего сада, а Дора, очень нуждающийся человек, собрала для "своей Шуры" какие-то подарочки.

Дора Морская, которую мы видим на фотографии молодой и красивой, прожила тяжелую



жизнь. Она рано лишилась матери, затем и отца. Скиталась девочкой по чужим людям, заболела, оказалась в доме инвалидов. 73 тяжелых года, наполненных бедами и тяжелейшими испытаниями, не ожесточили ее, она не забыла мужество Шуры, рискующей своей жизнью ради незнакомой еврейской девушки. Память о встрече с Карнауховой всегда грела Дору в самые тяжелые дни после войны.

Сестра, которая все порывалась выдать немцам Дору, давным-давно умерла, Александре Григорьевне в пору той долгожданной встречи было 89 лет. Так, видно, распорядился Господь, дав чистому человеку долгую жизнь за доброту и мужество.

Звание Праведницы Шура Карнаухова получила в 1995 году, ей был 91 год, а в 96-м ее не стало. Дора Морская умерла спустя несколько месяцев "ее Шуры".

Урна с прахом Александры Григорьевны установлена на 3-м Салтовском кладбище, там же установлена мемориальная доска с надписью: "Праведнице Мира Александре Григорьевне Карнауховой".

Лариса Воловик



Без Надежды не было бы надежды

Район пяти улиц и Юбилейная площадь Минска были огорожены колючей проволокой. Десятки тысяч евреев были насильно переселены в гетто. По восемь-десять семей селили в одну квартиру: без одежды, продуктов питания, без медицинского обслуживания люди были обречены на голод и вымирание.

Но этого фашистам было мало – в ноябре 1941 года большую партию узников гетто фашисты вывезли на карьер, находившийся в 7 км от Минска, где заранее были вырыты рвы. Их всех расстреляли из пулеметов. Тех, кто еще был жив, добивали из наганов или просто сбрасывали в ров еще живыми.

За время существования гетто было уничтожено 100 тысяч евреев. Страшно об этом вспоминать тем, у кого там погибли родные, а еще страшнее тем, кто прошел этот ад и чудом остался жив.

Соня Вайнгауз прошла этот ад. Всю ее семью – бабушку, маму, старшую сестру, младшего брата и ее – фашисты привезли в гетто. Каждый день их гнали на различные работы. Чтобы не умереть с голоду они умудрялись менять свои скудные вещи на крохи еды. В 1942 году при очередной облаве убили бабушку, вскоре в душегубке погибла мать, за помощь подпольщикам был замучен брат.

Соня внешне была не была похожа на еврейку, и это спасительное несходство позволило простой белорусской женщине, живущей по соседству с гетто, спасти ее. Сначала прятала ее у себя в подполе, а потом через знакомую переправила в Западную Белоруссию, в город Ивенец. Там Соня, конечно, под другой фамилией батрачила до конца войны.

Только в 1946 году узнала, что ее сестра жива. Ее тоже спасли, и с эшелонам девушек она попала на работы в Германию.

Соня возвратилась в Минск, устроилась на работу, вышла замуж. Тяжелые последствия страшной войны сказались – детей своих Соня иметь не могла. После смерти мужа Соня вышла замуж за Мишу Прозоровского, воспитывала его сына и внуков, а в 1996 году они переехали в Америку. Уже в Америке Соня узнала, что ее спасительнице Мироненко Надежде Алексеевне в Израиле присвоили звание "Праведник Мира".

Спасая любимых женщин

Виктор Гладенко был совершенно обычным человеком. Жил в Харькове, работал бухгалтером. Только случилось с ним следующее – влюбился. Да и не в кого-нибудь, а еврейку, Малкой ее звали. Так полюбил эту темноглазую красавицу, что сделал ей – честь по чести – предложение руки и сердца. Не посмотрел на то, что у нее от первого брака были дети – две дочери и сын.

В 1932 году Малка Дашковская стала женой Виктора, а через несколько лет у них роди-

лась дочь Таня. Так и жили бы они счастливо, всем на зависть, если бы ни война...

В 1941 году, через девять лет после свадьбы, фашисты оккупировали Харьков. Виктор даже мысли не мог такой допустить, что его семья, любимые жена и дети окажутся в гетто, куда сгоняли всех местных евреев. В течение двух лет он занимался только тем, что спасал жизнь своим самым дорогим людям – перевозил их из деревни в деревню, чтобы не увидели, не настучали, не забрали.

Не повезло только мальчику – приемный сын Виктора Давид перед самой войной поехал в Александрию, захотел навестить родственников по материнской линии. Он был среди тех 250-ти евреев, которых немцы уничтожили в Александрии.

Малка и ее дочери Дина, Таня и Голда были спасены Виктором, они дожили до победы. Вот только счастье этой семьи было недолгим – тревоги, волнения и кочевая жизнь подорвали здоровье главы семьи. Он слег, долго болел. Жена и девочки боролись за жизнь своего спасителя, но он словно позволил себе уйти – после того, как его миссия была выполнена. В 1946 году Виктора не стало...

Малка Дашковская вместе с дочерью Таней уехала в США. Одна из приемных дочерей, Дина Дашковская-Глитман, в 1970-х годах репатрировалась в Израиль и о приезде ходатайствовала перед комиссией в "Яд Вашем" о присвоении отчиму звания Праведник Мира.

21 октября 1983 года состоялась церемония признания Виктора Гладенко Праведником Мира. В Аллее праведников Малка и Дина посадили дерево, которое увековечило память об этом прекрасном человеке. А в Израильском консульстве в Филадельфии (США) второй дочери Виктора, Татьяне Труб-Гладенко, вручили медаль отца. На церемонии присутствовал сын Татьяны, внук Виктора, которого называли в честь деда.

Справедливости ради, нужно сказать, что в спасении семьи Виктора Гладенко, кроме него самого, принимали участие 25 человек.



"Просите мира Иерусалиму: да благоденствуют любящие тебя! Да будет мир в стенах твоих, благоденствие – в чертогах твоих! Ради братьев моих и ближних моих говорю я: "мир тебе!" Ради дома Господа, Бога нашего, желаю блага тебе".

Пс.127:6-9

...

"Не умолкну ради Сиона, и ради Иерусалима не успокоюсь, доколе не взойдет, как свет, правда его и спасение его – как горящий светильник.

...

На стенах твоих, Иерусалим, Я поставил сторожей, которые не будут умолкать ни днем, ни ночью. О, вы, напоминающие о Господе! не умолкайте, – не умолкайте пред Ним, доколе Он не восстановит и доколе не сделает Иерусалима славою на земле".

Ис.62:1,6,7



Спасая обреченных

Моей блуждающей души
Я к вам таю любовь сыновью,
И в час уныний, в час скорбей,
Я чувствую, что я еврей!

Илья Эренбург



Почему мы в клетке
Здесь сидим в колючей?
Почему нас немцы,
как хотят, замучивают?
А другие девочки
на широких улицах
бегают, смеются,
с мамами целуются.
Я спрошу у главного,
кто всех главней на свете:
"Разве это правильно?"
Что он мне ответит?

Алла Айзеншарф

Графиня Мария умерла 12 ноября 1997 года в возрасте 88 лет. Активисты партии "зеленых" предложили установить памятную доску на доме в Берлине, где она жила во время войны. Скромная плита из нержавеющей стали напоминает: "Здесь с 1938 по 1945 годы жила графиня Мария фон Мальцан, 25.03.1909-12.11.1997. В период с 1942 по 1945 годы она прятала в своей квартире преследуемых евреев и помогала им бежать из Германии, работая вместе с представителями шведской церкви и группами антифашистского Сопротивления".

Мария Хелена Франсуаза Изабелла фон Мальцан родилась 25 марта 1909 года в богатой семье силезских дворян. Семье принадлежало большое поместье Милич, расположенное недалеко от польской границы. Отец Марии, граф фон Мальцан, никогда не забывал бедных и нуждающихся. В имении он построил на свои средства сиротский приют и дом для престарелых.

Мария была последним, восьмым ребенком в семье. Мать боготворила своего единственного сына, зато отец в Марии души не чаял. От него она получила первые уроки правды и добра, которые запомнила на всю жизнь.

Марии было 12 лет, когда умер отец и ее счастливое детство кончилось. Единственным наследником семейного имущества был объявлен старший брат, а опеку до его совершеннолетия приняла на себя мать. Сестрам было назначено ежемесячное пособие. Домашнее обучение было прервано, Марию отправили в обычную школу. Старшие сестры, закончив подобные пансионы и лицеи, сравнительно быстро вышли

замуж за людей своего круга. Все ожидали, что и Марию ждет судьба ее старших сестер, однако девушка хотела учиться дальше. Она мечтала стать ветеринаром, но поступила на биологический факультет университета Бреслау.

На деятельную молодую студентку обратили внимание городские национал-социалисты: ей предложили стать агитатором, ездить по стране и убеждать людей в преимуществах их партии. Но Мария отказалась. Прочитав оба тома "Моей борьбы", она твердо решила, что с Гитлером ей не по пути. Семья фон Мальцан придерживалась других взглядов: все остальные дети вступили в гитлеровскую партию.

В Мюнхене Мария оказалась в самом начале 30-х годов. После 30 января 1933 года, когда Гитлер был объявлен канцлером Германии, из репертуаров исчезли многие спектакли и фильмы, среди авторов которых были евреи. После поджога рейхстага в феврале 1933-го вытеснение евреев из общественной жизни стало еще более активным. У входа в магазины появились пикеты с плакатами: "Немцы, не покупайте у евреев".

Чтобы заработать денег для продолжения учебы, Мария устроилась в редакцию еженедельника "Вельтгук". Здесь она познакомилась с Фридрихом Мукерманом, который сыграл важную роль в антигитлеровском Сопротивлении. По его заданию Мария тайно вывозила из Мюнхена в Инсбрук сводки о происходящем в стране.

В 1940 году Мария поступила на ветеринарное отделение берлинского университета. Эта профессия помогла ей и многим людям, которых она спасала, пережить страшные годы войны.





В 1939 году Мария фон Мальцан встретила мужчину, любовь к которому пронесла через всю жизнь. Издатель авангардного литературного альманаха Ганс Гиршель жил вместе с матерью, отказавшейся эмигрировать в Англию, хотя каждый день появлялись новые антиеврейские постановления, и малейшее их нарушение грозило немедленной отправкой в концлагерь. Ганс был готов разделить ее судьбу.

В начале 1942 года фрау Гиршель получила предписание переселиться с сыном в специальный дом, где жили одни евреи. Мария в это время была беременна, и Люция Гиршель наконец разрешила своему сыну переехать к матери его будущего ребенка.

Чтобы сбить нацистов со следа, решили инсценировать самоубийство Ганса. Он написал "прощальное письмо", в котором сообщил, что не в силах больше жить под постоянной угрозой разлуки с матерью. Ганс Гиршель был признан умершим и его местопребывание перестало кого бы то ни было интересовать.

Ребенок у Марии родился недоношенным, его поместили в госпиталь в специальную камеру-инкубатор. Во время одной из частых бомбежек Берлина электричество в госпитале было отключено, и младенец погиб.

Стараясь облегчить боль от потери ребенка, Мария приютила у себя в доме двух русских девочек, оказавшихся в трудовом лагере Берлина. Они с Гансом привязались

к детям, а те стали относиться к ним как к родителям. Когда после победы советские солдаты увезли девочек в Россию, Мария и Ганс долго не могли с этим смириться.

Ганс Гиршель оставался в квартире Марии, Марушки, как он ее называл, до конца войны. Все его родственники, остававшиеся в Германии, погибли в концлагерях.

В квартире Марии в разное время нашли убежище около 60 человек. Работая ветеринаром на берлинской скотобойне, она могла принести домой кусок мяса, что спасало беженцев от голодной смерти. Другие продукты Мария доставала на черном рынке.

Ради спасения людей ей не раз приходилось выполнять смертельно опасные задания.

Шведской церкви в Берлине иногда удавалось нелегально "выкупать" евреев, попавших в руки гестапо. Для оплаты в ход

шли не только деньги, но и дефицитные сигареты, вино, продукты. Чтобы вывезти людей из Германии в Швецию, подпольщики использовали даже мебельную перевозку. Гитлеровцы разрешили членам шведского посольства в Берлине отправлять вещи в Стокгольм по железной дороге. Проводники поезда были подкуплены, и в ящиках для мебели могли прятаться люди. Самым сложным было привести группу беженцев к условленному месту, где поезд делал короткую остановку. Это задание и выполняла Мария фон Мальцан. Она вела людей по лесным тропинкам, избегая населенных пунктов.



Как-то ночью, когда Мария возвращалась домой после успешной отправки очередной партии беженцев, ее чуть было не задержал эсэсовский патруль с собаками. Она сумела сбить собак со следа, после чего всю ночь пряталась в ветвях дерева на берегу пруда. Эта ночь показалась ей самой длинной в жизни.



Но не все операции заканчивались так удачно. Однажды она вела к назначенному месту двоих "выкупленных" у гестапо человек. Как и было условлено, они шли на некотором расстоянии от нее, чтобы не была заметна их связь. Неожиданно Марию окликнул эсэсовский патруль и приказал остановиться. Ни секунды не колеблясь, она бросилась в сторону, отвлекая преследователей от своих подопечных. Когда она перелезала через стену, ее ранили, но ей удалось скрыться. Домой она не ушла, пока не убедилась, что те, за кого была ответственна, дошли до цели.

Ей приходилось сопровождать людей на Боденское озеро, расположенное на юге, там, где Германия граничит с Австрией и нейтральной Швейцарией. Мария вместе с беженцем ждали темноты и, получив со швейцарского берега световой сигнал, переплывали озеро, стараясь не попасть под прожекторы патрульных катеров. Плыть нужно было более двух часов. Передав своего подопечного ожидавшим его людям и немного передохнув, она отправлялась в обратный путь.

После войны Мария работала ветеринарным врачом в Берлине. Кроме того, ей много времени приходилось уделять общественной деятельности: с августа 1945-го союзники вплотную взялись за освобождение Германии от коричневой заразы, и графиню фон Мальцан привлекали в комиссии по выявлению бывших активных нацистов.

...Я не знаю,
есть ли голос крови,
Знаю только: есть у крови цвет.
Этим цветом землю обогрела
Сволочь, заклеянная в веках,
И евреев кровь заговорила
В этот час на разных языках.

Илья Эренбург

Я, наверно, Гитлера убью.
Вот глаза закрою,
бах и — выстрелю.
Только я потом уже не вырасту
и себя уже не полюблю.
Нет, я дверь закрою на замок,
чтоб он выйти никуда не мог.
А в окошко буду строить рожи:
на, смотри, какой ты
нехороший.

Алла Айзеншарф



От хвороста тянет дымок,
Огонь показался у ног
И громче напев погребальный.
И мгла не мертва, не пуста,
И в ней начертанье креста —
Конец мой, конец огнепальный!
Мать Мария

...

На Страшном Суде меня не спросят, успешно ли я занималась аскетическими упражнениями и сколько я положила земных и поясных поклонов, а спросят: накормила ли я голодного, одела ли голого, посетила ли больного и заключенного в тюрьме.
Мать Мария



"Она только жидам помогает!.."

Елизавета Пиленко — таково девичье имя матери Марии — родилась 8 декабря 1891 года в Риге. Ее детские годы прошли в Анапе, куда после смерти деда переехала семья. В 1906 году после смерти отца семья переезжает в Петербург.

В Петербурге, как и во многих крупных городах России в то время зарождалось движение, которое позднее было названо Русским религиозным и интеллектуальным возрождением. Юная, прогрессивно мыслящая интеллигентка явно стремится к поискам абсолюта. В поисках себя, она начинает писать стихи и часто посещает модные салоны. В пятнадцать лет Лиза знакомится с поэтом-символистом Александром Блоком, который посвятил ей стихотворение "Когда вы стоите на моем пути...".

В 18 лет она выходит замуж за Дмитрия Кузьмина-Караваева, молодого юриста, который вводит ее в литературные круги. Однако, в начале 1913 года Елизавета и Дмитрий расходятся. Молодая женщина продолжает свой путь в поисках веры. По благословию митрополита Петербургского она, — первая женщина, — посещает богословские курсы при Духовной академии.

Когда разразилась революция, Лиза примкнула к партии социалистов-революционеров. Идеалистические взгляды эсеров в тот момент были ближе всего ее настроениям.

В 1918 году Лиза живет со своей матерью и дочерью в Анапе. В городе возникает неразбериха с властью, а жизненные проблемы остаются, поэтому, когда начинаются выборы в городскую думу, Лиза принимает в них горячее участие, и ее выбирают членом горсовета. Вскоре она становится городским головой. Теперь ей приходится искать выход из самых невероятных ситуаций. Так, при красных она, отстаивая порядок в городе, бесстрашно противостояла матросам-красноармейцам, спасая культурные ценности города. Когда же город захватили белогвардейцы, ее арестовали, обвинив в сотрудничестве с местными советами. Дело было передано в военный трибунал. К счастью, все обошлось двумя неделями домашнего ареста. На благополучный исход судебного дела повлиял Даниил Скобцов, видный деятель кубанского казачьего движения. Вскоре после суда Елизавета стала его женой.

Белое движение приходило к концу. Скобцов



настоял на эвакуации семьи. Елизавета, ожидающая ребенка, ее мать и дочь отплыли из Новороссийска по направлению к Грузии. Сын Юра благополучно родился уже в Тифлисе. Через некоторое время семья переехала в Константинополь, где они воссоединились со Скобцовым, а затем в Сербию, где в 1922 году родилась дочь Анастасия. Следуя за волной русских беженцев, в 1923 году они переехали в Париж, ставший столицей русской эмиграции.

Во Франции Скобцовы узнали горькую участь изгнанников, крайнюю нужду, неопределенность положения. Скобцов становится шофером такси. Елизавета не гнушается никакой работой.

В 1926 году она посещает богословские курсы на Сергиевском подворье в Париже, где близко знакомится с выдающимися богословами своего времени.

С 1930 ей доверена работа по оказанию духовной и социальной помощи русским эмигрантам, таким же как она и ее семья, рассеянным по всей

Франции. Во время своих поездок по Франции она видит русских страдающих хроническими заболеваниями, туберкулезных, спившихся, сбившихся с пути. Она посещает дома умалишенных и находит там русских, которые, не зная французского языка, не могут объяснить с врачами. Она понимает все отчетливее, что ее призвание в том, чтобы выслушать, утешить, оказать конкретную помощь.





Елизавета решает посвятить себя Богу через монашество. Теперь ее все называют мать Мария

Начало 30-х годов ознаменовалось во Франции суровым экономическим кризисом. Безработица среди русских эмигрантов приняла размеры настоящего бедствия. Мать Мария решила открыть дом, где будет принят как брат и сестра всякий, кем бы он ни был, пока остается еще хоть немного места. У нее находят приют и утешение безработные, правонарушители, бездомные, молодые женщины легкого поведения,



наркоманы. Вместе с матерью Марией, разделяя все тяготы повседневных забот, трудятся члены ее семейства.

Вторая мировая война в Европе разразилась в 1939, после поражения 1940 года наступила немецкая оккупация. Вскоре начинаются гонения на евреев. Мать Мария ни секунды не сомневается в том, как надо действовать.

Ее дом быстро становится известен как убежище. Там скрывают тех, кому угрожает опасность, для них получают поддельные документы, их переводят в "свободную зону". Мать Мария тесно связана с Сопротивлением. Друзья составляют список заключенных и организуют пересылку писем и посылок. Тем временем ужасы немецкой оккупации продолжают: в ночь с 4 на 5 июля 1942 года арестованы 13 тысяч евреев и доставлены на зимний велодром, в двух шагах от Лурмель. Мать Мария проникает туда и проводит три дня, утешая подружку-еврейку и помогая добровольцам Красного Креста оказывать помощь больным. В этих невероятных условиях она бесстрашно спасает троих детей, пряча их в ящике для мусора.

8 февраля 1943 гестапо совершило налет на Лурмель и арестовало Юру Скобцова (сына матери Марии, который несмотря на свои 20 лет

также активно участвовал в Сопротивлении), и еще нескольких человек. Матери Марии, которой в то время не было в Париже, дали знать, что ее сын будет освобожден, если она сама явится в гестапо. Когда она пришла туда, ее тотчас арестовали, никого не освободив. Гестаповец Гофман крикнул ей: "Вы дурно воспитали Вашу дочь, она только жидам помогает!", на что Софья Борисовна ответила: "Это неправда, моя дочь настоящая христианка, и для нее нет "ни эллина, ни иудея", а есть человек".

После допросов вся группа была доставлена в форт Романвиль, затем в этапный лагерь Компьен, где мать Мария смогла последний раз увидеть своего сына. Ни мать, ни сын не знали, что это их последняя встреча в этом мире. Мужчин отправили в Бухенвальд, а мать Марию – в женский лагерь Равенсбрюк.

Что стало с Юрой Скобцовым, неизвестно, по всей вероятности, он погиб в газовой камере.

Одаренная исключительной жизнестойкос-



тью и непоколебимой верой, Мать Мария обладала многими качествами, помогающими выжить даже в ужасных условиях концлагеря. Она помогала всем восстанавливать утраченные душевные силы, вновь зажигала в людях пламя мысли, едва тлевшее под тяжким гнетом ужаса.

Трудно сказать что-то определенное о кончине матери Марии. Разделенная со своими товарищами по заключению, она была переведена в Югендлагерь и стала жертвой последнего отбора. 30 марта мать Мария была отобрана комендантом "налево" – в группу смертников, среди тех, кто не мог уже передвигаться. По другим свидетельствам, она сама вступила в группу отобранных, и тем самым добровольно пошла на мученичество.

Мать Мария погибла 31 марта 1945 года.



Константинопольская Православная Церковь причислила к лику святых русскую монахиню Марию (Скобцову)

...

Когда вы стоите на моем пути,
Такая живая, такая красивая,
Но такая измученная,
Говорите все о печальном,
Думаете о смерти,
Никого не любите
И презираете свою красоту –
Что же? Разве я обижу вас?
Александр Блок





Остаться человеком

Немцы кричат во дворе и ломают
зачем-то забор и кусты.

А мама звезду на рукав пришива-
ет зачем-то.

Не для красоты.

Потом узелок отрывает зубами и
долго жует.

И молчит мама.

Алла Айзеншарф

...

Если б я была его собакой,
Я бы немцу руки искусала,
а потом бы спряталась в овраге
и смеялась и бока лизала.

Алла Айзеншарф



Голландка Гертруда Вийсмюллер-Майер участвовала в спасении тысяч еврейских детей. В 1938 году появилась возможность многих перевезти в Англию, но на это требовалось согласие немецких властей. Гертруда поехала в Вену, говорила с самим Адольфом Эйхманом и получила коллективную выездную визу для 600 детей.

В августе 1939 года, всего за пару недель до немецкого вторжения в Польшу, она поехала в Данциг и организовала 50 кораблей для перевозки детей в Голландию и Бельгию. В последующие военные годы Гертруда так же помогала еврейским детям, находила для них укрытия, снабжала питанием, обеспечивала фальшивыми документами.



Шведскому пастору Гуту Хеденквисту удалось в 1938 году вызволить из Австрии 3 тысячи евреев. Капитан Фрэнк Фоули, офицер британской миссии в Берлине, руководил выдачей виз для въезда в подмандатную Палестину. Фоули отлично понимал, что положение евреев в Германии становится критическим, и выдавал дополнительные визы, хотя официально Англия ограничивала въезд евреев в Палестину. Чем трагичней становилось положение евреев в Европе, тем сложнее становилось получить визу в Палестину. По словам берлинского еврея Бена Козна, "Фоули предпринимал все, что было в его силах, чтобы отправить в безопасное место как можно больше людей. Можно сказать, что он вырвал из лап смерти тысячи евреев".

Португальский консул в Бордо Аристедес де Суса Мендес выдал выездные визы в Португалию более 10 тысячам евреев, что противоречило прямым приказам его начальства. Он предоставлял убежище многим евреям в своем доме в Бордо. Даже в тот день, когда его под конвоем отправили назад в Португалию, де Суса Мендес выписывал последние визы беженцам. Он потерял работу и был оштрафован в наказание за свои действия. Семья с 13 детьми оказалась в нищете. Звание Праведник мира де Суса Мендес получил уже посмертно в 1966 году.

Француз Рауль Лапортье, признанный Праведником мира, владел небольшим магазином вблизи демаркационной линии. Он сам изготавливал фальшивые документы и обеспечивал

ими беженцев, часто лично сопровождал евреев при переходе через границу. Он скрывал людей у себя дома и в домах своих друзей, передавал почту из одной зоны в другую, что также было строжайше запрещено. Ценные вещи беженцев он сначала прятал, а потом отдавал владельцам уже на другой стороне. Свои контакты с французскими полицейскими он использовал, чтобы предупреждать евреев о готовящихся облавах и депортациях. Рауль Лапортье не брал за свою работу денег, им руководили совсем иные мотивы. К концу войны он оказался почти нищим.

Легендарной фигурой стал пастор Мари-Бенуа, организовавший в марсельском монастыре капуцинов настоящее предприятие по спасению евреев. Вместе с группами французского Сопротивления и официальной организацией UGIF (Union Generale des Israelites en France), представлявшей французских евреев, это предприятие обеспечило тысячи беженцев фальшивыми паспортами и другими "арийскими" документами, чтобы люди могли бежать на юго-запад, в Испанию, или на северо-восток - в Швейцарию. Когда в ноябре 1942 года фашисты окончательно оккупировали Францию, и эти пути спасения были закрыты, Мари-Бенуа удалось убедить итальянские власти разрешить евреям остаться в итальянской зоне оккупации Франции, несмотря на отчаянные протесты министра иностранных дел Германии. Тысячи евреев оказались в итальянской зоне и нашли там свое спасение. Когда в последнюю минуту сорвался грандиозный проект послать 50 тысяч французских евреев на кораблях в Северную Африку, Мари-Бенуа вынужден был бежать в Рим. Там он под именем отца Бенедетти сыграл ключевую роль в спасении



нии итальянских евреев, когда осенью 1943 года пал режим Муссолини, немцы заняли Италию и приступили к депортации евреев на Восток.

Одной из самых знаменитых операций по спасению евреев в годы войны стала эвакуация тысяч датских евреев осенью 1943 года. После того как Георг Дуквигт, морской атташе



немецкой дипломатической миссии в Копенгагене, предупредил датские власти о готовящейся депортации евреев, почти 8 тысяч человек в период с 29 сентября по 1 октября были переправлены на кораблях и лодках в Швецию, чье правительство согласилось принять беженцев. В этой операции принимали участие сотни простых датчан. Анна Христенсен в течение нескольких месяцев прятала 40 еврейских детей-беженцев, связанных с сионистской группой "Юная Алия", заботилась о них, занималась с ними и в назначенный день привела на побережье, откуда их перевезли в Швецию. Ханна Арендт в своей знаменитой книге "Эйхман в Иерусалиме" назвала происшедшее в Дании "результатом привитого понимания тех предпосылок и обязанностей, которые гарантируют гражданство и независимость".

Польша Леокадия Яромирска нашла еврейскую девочку вблизи своей деревни. Родители девочки оставили ее там, когда бежали при ликвидации еврейского гетто в Легионове. Леокадия взяла девочку к себе, крестила ее, сообщив соседям, что это ее дочка. Леокадия рисковала своей жизнью, так как соседи с трудом верили в эту легенду. Ценой немалых жертв Леокадия вырастила девочку, и они обе дождались конца войны. Счастливый конец этой истории омрачает типичный, к сожалению, конфликт родительских чувств: также переживший войну отец девочки разыскал ее после войны и увез с собой в Палестину.

Во французской деревне Ле Шамбон, где нашли укрытие несколько тысяч евреев. В другой французской деревне Хот-Биоль все жители знали, что семья Аргу прячет двух еврейских юношей. Немцы много раз прочесывали деревню в поисках евреев, но никого не нашли – ни один из жителей деревни не оказался предателем. В голландской деревне Нивланде каждая семья укрывала по крайней мере одного еврея, хотя никакой формальной организации спасения там не было.

Бельгийский инженер Абрам Липски был уволен с резиновой фабрики, на которой он ра-



ботал до войны, и прятался от нацистов. Бывший начальник Липски позволил ему нелегально работать и получать деньги за свой труд. Поразительно, что в Бельгии банки, церкви, больницы, школы часто давали деньги и предоставляли другую помощь прячущимся от немцев евреям. Многие бельгийские предприятия по-прежнему платили зарплату своим бывшим сотрудникам-евреям, хотя те не могли больше появляться на рабочем месте. Все это помог-

ло более 25 тысячам бельгийских евреев пережить войну.

Польская супружеская пара Каролина и Миколай Кмита помогали молодоженой еврейке Зосе. С помощью фальшивых документов Зося выдавала себя за их родственницу. Однако после серии жестоких расправ немцев с евреями и их польскими помощниками в соседних городах и селах, Кмиты решили, что риск оставаться полькой для Зоси слишком велик. Миколай построил ей в ближайшем лесу укрытие, и каждую ночь Каролина приносила туда еду, чистую одежду, иногда водку и лекарства. Зося пережила в этом укрытии всю войну.

Двенадцатилетний Шмулек Олинер убежал из гетто, и его приютила у себя польская крестьянка по имени Бальвина. За то время, пока Бальвина прятала у себя Шмулека, она обучила его грамотно писать и говорить по-польски, объяснила, как вести себя в церкви и как правильно молиться. После этого она решила, что теперь безопаснее представить Олинера как польского мальчика, чем держать его в укрытии. Он нашел работу в одной польской семье в соседней деревне, что помогло прокормиться и ему, и Бальвине. Шмулек пережил войну и стал известным историком Самуилом Олинером, автором одного из самых авторитетных исследований о Праведниках мира.

Алексу Рослану, поляку из Варшавы, удалось в 1943 году проникнуть в Варшавское гетто через подземный туннель, о котором не знали фашисты. Его потрясло то, что он увидел, особенно бедственное положение детей. Рослану удалось забрать с собой восьмилетнего Якова Гилата. Позднее к нему присоединились младшие братья Шалом и Давид. Яков и Давид Гилаты пережили в доме Росланов всю войну, Шалом умер от скарлатины.

Настоятельница монастыря вблизи Вильнюса Анна Борковская с помощью нескольких монахинь собирала на полях, где походили сражения, ножи, пистолеты, ручные гранаты и передавала их в Вильнюсское гетто. Монастырь был местом укрытия для еврейских подпольщиков и партизанских командиров Аббы Ковнера и Абрахама Зуцкевера. Там же спасались многие дети, бежавшие из гетто.

Настоящим ангелом-спасителем для заключенных в гетто евреев стала Анна Зимайте, работница университетской библиотеки из Вильнюса. Она убедила немецкие власти, что для пополнения библиотеки ей необходимо собрать книги у еврейских студентов, оказавшихся в гетто, и получила туда пропуск для свободного входа и выхода. Каждый день она приходила в гетто и приносила с собой хлеб, мармелад, маргарин и сыр для детей из дома сирот. Она умудрялась помогать сотням человек. Когда ее необычная деятельность стала известна немцам, Зимайте арестовали, пытали и отправили в концентрационный лагерь Дахау. Потом ее переводили в другие лагеря. Она выжила чудом. Когда в 1953 году Анна Зимайте рассказывала о годах войны, то назвала это время "счастливейшими днями ее жизни".



Я об ножку ножку грею.

Я сама себя жалею.

А когда себя жалею,
еще больше холодею.

Алла Айзеншарф





И в аду были люди

За помощь евреям были казнены несколько немецких и австрийских солдат, передававших оружие для еврейского Сопротивления.



...
Известны примеры помощи евреям даже со стороны немецких полицейских в Берлине.

...
Спасая одну жизнь, они спасали целый мир, ибо давно было сказано: "праведник — основа Вселенной".

В концентрационных лагерях, созданных гитлеровцами в разных странах, нашли свою гибель миллионы европейских евреев. Не только в специальных лагерях уничтожения, как Освенцим или Трелинка, но и в сотнях так называемых трудовых лагерей, где люди умирали от непосильной работы, нехватки питания и отсутствия медицинской помощи. Редко, но сочувствующие евреям люди находились и среди обслуживающего персонала таких лагерей. И тогда в безнадежной ситуации появлялся шанс на спасение.

только мог. Он позволял женам заключенных встречаться со своими мужьями и заботиться о них. Он освобождал евреев от работы в религиозные праздники, давал отпуска по другим обстоятельствам. Двери дома Ревницкого и его жены были всегда открыты для евреев. Он всячески затягивал отправку рабочего эшелона с евреями на восток, так как полагал, что они там будут уничтожены. Когда был дан приказ о депортации всех евреев в лагерь уничтожения, Ревницкий открыл ворота своего рабочего лагеря и позволил многим заключенным бежать от верной смерти. В конце 1944 года Ревницкого самого арестовали.

Анна Биндер была чешским дипломатом, ее арестовали за то, что она прятала еврейское имущество и отправляла его за границу. В марте 1942 года ее привезли в Освенцим, где назначили на завидную должность — бригадиром сельскохозяйственной бригады, сущий рай по сравнению с рабским трудом на других участках. Она сама отбирала заключенных для своей бригады, причем всегда брала тех женщин, чье физическое состояние было наиболее тяжелым и кому грозила верная смерть от болезней и истощения. Она морально поддерживала многих обреченных. Часто Биндер вступала в конфликт с эсэсовцами, защищая еврейских заключенных. За свою деятельность Анна Биндер лишилась лагерных при-

Девятнадцатилетний поляк **Владислав Мизюна** работал на ферме по разведению кроликов вблизи города Радом. На базе этой фермы был организован рабочий лагерь для снабжения немецких солдат на Восточном фронте кроличьим мехом. Большинство заключенных в лагере были еврейские женщины. Как и во всех немецких лагерях, труд был тяжелым, санитарные условия примитивными, питания, особенно для евреев, было мало. Мизюна делал все, что было в его силах, чтобы поддержать заключенных. Вопреки приказам, он передавал им часть продуктов, предназначенных на корм кроликам. В лагере свирепствовали болезни, а лекарств евреям не полагалось. Однажды Владислав заразил себя той же болезнью, которой заболела одна девушка-заключенная, чтобы получить от лагерного врача лекарство, которым делился с девушкой. Оба они вылечились. До конца войны Владислав Мизюна заботился о заключенных. Он спас более десяти человек.

Иногда сочувствие к евреям проявляли даже официальные лица, служащие на стороне немцев или их союзников. Венгерский полковник **Имре Ревницкий** был комендантом рабочего лагеря, где с 1940 по 1944 год находилось в заключении несколько сотен евреев. В отличие от других лагерных комендантов, Ревницкий помогал евреям как



вилегий и в начале 1944 года была отправлена на самую тяжелую работу — в грязь и снег мостить улицы в Биркенау. Анна тяжело заболела и чудом дожила до января 1945 года, когда советские солдаты освободили Освенцим.



ГЕТТО

Молодежные движения в гетто начали организацию подпольной деятельности уже в первые дни оккупации. Довольно быстро лидеры этих молодежных движений осознали, что на этот раз речь идет не о преследованиях и притеснениях, и даже не об очередном погроме, а о программе тотального уничтожения народа. Молодые люди немногим старше 20 лет не дали себя обмануть нацистской маскировке и без иллюзий смотрели на происходящее.

Перед еврейским подпольем встал нелегкий выбор: следует ли вести боевые действия на территории гетто (как восстание) или в окрестных лесах (как часть партизанского движения)? Часть молодежи ушла к партизанам, другая часть осталась, чтобы сражаться в гетто.

Организованное еврейское сопротивление дало себя знать с началом массового уничтожения. Первый удар еврейская молодежь нанесла в гетто небольшого польского городка Несвиж (сегодня он принадлежит Белоруссии).

Операцию по уничтожению евреев в немцы запланировали на 21 июля 1942 года. Некоторые руководители еврейской общины предчувствовали это за несколько дней, так как 17 июля подобная акция была проведена в соседнем городке. В октябре 1941 года массовые убийства евреев уже прокатились по этим местам. Большая часть населения гетто Несвижа решила оказать немцам вооруженное сопротивление.

Утром 21 июля к воротам гетто подъехала немецкая айнзатц-группа, и командир группы потребовал, как обычно, чтобы все евреи немедленно со-



брались на площади, немцы вывезут их из города. Люди теперь знали, что это означает скорый и беспощадный расстрел. Решив, что лучше умереть в борьбе, чем покорно, представители Совета гетто отказались выполнить приказ немцев.

Шалом Холавский, руководивший в тот день вооруженным сопротивлением, вспоминал, как развивались события далее. Немцы открыли огонь. Неожиданно отряд бойцов из синагоги ответил залпом из ружей и пистолетов. Немцы ворвались в гетто. Евреи встречали их с ножами и стальными прутами в руках. Завязался неравный бой, улицы заполнили тела убитых и раненых. Как было решено заранее, евреи подожгли свои дома, чтобы под прикрытием дыма и огня получить шанс вырваться из гетто. Хаос и неразбериха охватили весь центр города.

Не заставили себя ждать и соседи: толпы крес-

тьян и горожан устремились в гетто, врываются в горящие дома, хватали еще уцелевшее еврейское имущество: одежду, лампы, посуду... Бешеные от ярости немцы расстреливали каждого еврея, кто пытался выбежать из пылавшего гетто. Холавский и два других бойца скрывались в мансарде одного дома, выжидая благоприятного момента для бегства. Из окна они хорошо видели, как толпы людей, чьи руки были заняты награбленными вещами, прыгали и радостно орали при каждом удачном немецком выстреле, неважно, кто оказывался убитым, — мужчина, женщина, ребенок.

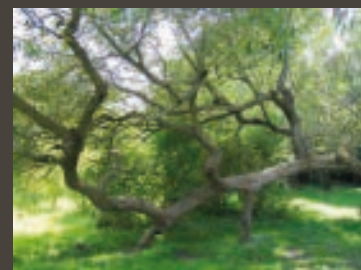
Наконец, Холавский и его друзья вырвались из



гетто и побежали через поле к спасительному лесу. Холавский увидел, как из гетто выбежал Симха Роцен, с завернутым в подушку маленьким сыном на руках. Пробега мимо крестьянки, стоявшей у ворот и наблюдавшей всю эту сцену, Симха сунул ей в руки узел с ребенком и побежал дальше к лесу.

Преступники, жертвы и зрители отчетливо видны в сцене, описанной Шаломом Холавским. Преступники представлены айнзатц-командой. Подобные группы, по данным немецкой военной статистики, уничтожили в общей сложности полтора миллиона евреев на территориях Польши, стран Прибалтики, советских республик. Жертвы — это население гетто, люди, которые делали все, чтобы жертвами не стать: строили планы, молились, сопротивлялись, боролись, умирали и бежали от смерти. Зрители — это нееврейское население Несвижа, которые расхватывали еврейские вещи из горящих домов, это люди, которые "прыгали и орали", когда очередной еврей был застрелен, это, наконец, та крестьянка, которой сунул в руки своего маленького сына Симха Роцен.

Что сделала эта крестьянка с ребенком? Шалом Холавский ничего об этом не говорит: судьба ребенка ему осталась неизвестной. Смогла ли крестьянка спрятать ребенка, и считала ли она вообще целесообразным его спасать? Или она решила не вмешиваться и там же, на окраине города, просто положила ребенка на землю, предоставив его участь судьбе? Или она отдала мальчика немецкому солдату и наблюдала, как тот берет ребенка за ноги и разбивает ему голову о стену, — так обычно расправлялись нацисты с детьми "еврейских недочеловеков-паразитов"? Мы никогда не узнаем, что произошло на самом деле. Одно достоверно: ребенок Симхи Роцена не выжил бы ни дня без помощи крестьянки.

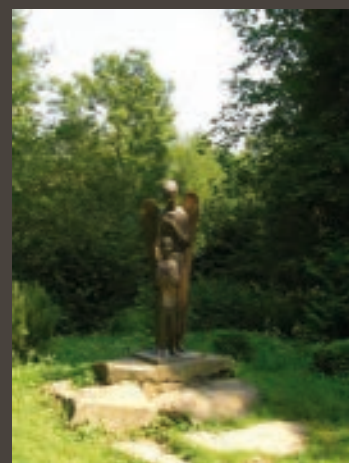


В польских, украинских, белорусских городках люди живут так, будто никаких евреев здесь никогда не было. Будто они не жили здесь веками.

...

И единственная ниточка, которая удерживает их во Вселенной, — моя и твоя память.

Оборвать ее ничего не стоит. Надо только забыть. Не знать.





Юбилей, 63 года со дня



Советские врачи и представители Красного креста среди узников Освенцима в первые часы после освобождения лагеря.

В 1939 году польский Освенцим немцы включили в состав Третьего Рейха. Город называли Аушвиц, такое же название получил концлагерь, созданный в 1940 году на территории военных казарм на окраине Освенцима.

В Освенциме погибла каждая шестая жертва Холокоста.

"Я поклялся никогда не молчать, если стану свидетелем человеческих страданий и унижений. Необходимо всегда становиться на чью-либо сторону. Нейтралитет помогает не жертве, а угнетателю. Молчание поддерживает мучителя, а не истязаемого".

Эли Визель

27 января весь мир отмечает одну из самых страшных дат в своей истории – 63 года со дня освобождения заключенных концлагеря Аушвиц-Биркенау (Освенцим).

Казалось бы, какая связь между "освобождением" и "страхом"? Самая прямая, потому что до этого дня почти никто, включая население Германии и Польши, не знал о том, что убийство людей в Освенциме было поставлено на конвейер с высокой производительностью. С очень высокой производительностью. Точное число жертв Освенцима неизвестно до сих пор.

В начале 1945-го, когда войска Красной Армии начали приближаться, эсэсовцы, замечая следы, взорвали газовые камеры и крематории и начали эвакуацию заключенных. Более 58 тысяч заключенных были вывезены вглубь Германии или убиты.

27 января 1945 года войска 60-й армии 1-го Украинского фронта под командованием маршала Конева освободили Освенцим, потеряв в боях 231 воина. Проведенная командующим I Украинским фронтом (по военным соображениям) перегруппировка войск объективно способствовала освобождению Освенцима примерно на неделю ранее первоначально намеченного плана. Это спасло от злой участи оставленных в Освенциме ослабленных и больных людей.

Советские солдаты вошли на территорию поч-



ти пустого лагеря. Какое же зрелище предстало перед их глазами? Около трех тысяч изможденных мужчин и женщин разной национальности, поддерживая один другого, со слезами на глазах слабо

махали в знак приветствия своим освободителям.

Хотя большая часть машины смерти лагеря была ликвидирована, сохранившиеся свидетельства масштабов злодеяний потрясли даже заключенных в боях солдат Красной Армии. Очевидцы рассказывают, что останки людей находились повсюду, были свалены в траншеи, беспорядочно лежали на земле, количество не поддавалось подсчету.

Среди освободителей был молоденький лейтенант, а ныне вице-председатель израильского Союза борцов против нацизма Моисей Малкис.

- Когда я с бойцами оказался в лагере, впечатление было ужасающее, — рассказал ветеран. —



Везде лежали трупы. Тела никто не хоронил. Мы увидели узников в полосатой форме. Это были живые скелеты. Женщины пытались улыбаться, но у них не получалось. Люди были совершенно измождены. Помню, как многие подходили к нам, гладили наши шинели, наши погоны — они их никогда не видели. С каким воодушевлением смотрели на наши награды. Солдаты делились с узниками своим пайком. Потом привезли полевые кухни. Врачи сказали, чтобы освобожденных кормили понемногу — боялись за их жизнь. Развернули палаточные медсанбаты, организовали банные пункты — фашисты людям не давали мыться...

На складах было обнаружено около 7000 кг волос, упакованных в мешки. Из человеческих волос немецкие фирмы в числе других изделий производили волосную портняжную боровку. Золотые зубы, которые удаляли с трупов убитых людей, перетаплавались в слитки и отправлялись в Центральное Санитарное Управление СС. Прах сожженных использовали в качестве навоза или им засыпали близлежащие пруды и русла рек.

Предметами, которые ранее принадлежали людям, погибшим в газовых камерах, пользовались эсэсовцы, входящие в состав лагерного персонала. Например, они обращались к коменданту с просьбой выдать детские коляски, вещи для младенцев и другие предметы.



но не праздник освобождения Освенцима

Несмотря на то, что награбленное имущество постоянно вывозилось целыми поездами, склады были переполнены. После освобождения Освенцима в уцелевших бараках было найдено много тысяч пар обуви, одежды, зубных щеток, кисточек для бритья, очков, протезов и т.д. Все это до сих пор хранится в нескольких бараках. Представьте себе, огромную стеклянную емкость длиной метров 5, высотой 3 и шириной 4 метра заполненную детскими горшками, мисками и тарелками. Может тогда, реальнее будет выглядеть весь масштаб этого ужаса.

Среди изможденных, искалеченных пытками узников войны освободители увидели детей. Они походили на стайку подбитых птиц. Рукава не по росту полосатых грязных, затасканных лагерных курток свисали с худеньких плеч и были похожи на подстреленные крылья. В глазах испуг. Ни улыбок, ни даже спокойного взгляда. Маленькие старички...

Командир 107 стрелковой дивизии, принимавшей участие в освобождении района Освенцима, генерал Василий Петренко пишет в своих мемуарах "До и после Освенцима": "Жуткая картина: вздутые от голода животы, блуждающие глаза; руки как плети, тоненькие ножки; голова огромная, а все осталь-



ное как бы не человеческое – как будто пришито. Ребятишки молчали и показывали только номера, вытатуированные на руке. Слез у этих людей уже не было".

Евреям, уцелевшим в Холокосте, часто задают вопрос: "Почему вы не сопротивлялись? Почему безропотно садились в транспорты, везущие вас на

смерть?" У бывшей узницы Освенцима, чешской еврейки Веры Штинговой такой ответ на этот вопрос: "Никто не мог себе представить, что будет происходить в концлагерях. И если бы мы сейчас не знали, что это было, мы бы никогда в это не поверили. Человек просто не может представить себе такой ужас. Я всегда рассказываю, как меня привезли в Освенцим. Мы стоим на перроне, а там везде колючая проволока, за которой за нами следят странные существа – женщины в лохмотьях, бритые наголо. Они кричали нам, новичкам: "Бросайте нам ваш хлеб и вещи, у вас все равно все отнимут". А за мной кто-то прокомментировал: "Ну, так страшно здесь не будет, если уж тут и сумасшедших держат". Разумом человек никогда не сможет принять это, если только сам не переживет".

Да, тот, кто не испытал на себе ужасы концлагеря, никогда не сможет в полной мере осознать масштабы совершенного нацистами преступления. Для большинства людей понятие о Холокосте складывается из кадров кинохроники, фотографий, рассказов тех, кому удалось избежать смерти.

С каждым годом тают ряды свидетелей и очевидцев фашистских зверств. По словам работников музея-мемориала в Освенциме, ежегодно умирает до тысячи бывших узников нацистских концлагерей. Очевидцев трагедии становится с каждым днем все меньше и меньше, а значит растет наша ответственность за то, чтобы передать следующим поколениям правду о Холокосте и сделать так, чтобы никогда и нигде подобное не повторилось.

По решению ООН, день освобождения Советской Армией гитлеровского концлагеря в Освенциме объявлен Международным днем памяти жертв Холокоста.

Как сказал бывший узник Освенцима, лауреат Нобелевской премии мира Эли Визель, "память о зле станет щитом, защищающим нас от зла... память о смерти станет щитом, защищающим нас от смерти".



По различным оценкам, в Освенциме погибли от 1,5 до 2,2 миллиона узников.



Согласно проведенным медицинским обследованиям, из 2819 освобожденных 2189 находились в стадии крайнего истощения и 223 – больны туберкулезом легких. Почти все узники страдали тяжелыми нервно-психическими заболеваниями.



В 1947 году на месте Освенцимского лагерного комплекса создан государственный музей "Освенцим-Бжезинка" – сегодня он носит название "Аушвиц-Биркенау".

В 28-й одесской школе провели урок памяти жертв Освенцима.

- Скажи пожалуйста, что ты знаешь об Освенциме?
- О ком?
- Об Освенциме.
- Я ничего не знаю.
- Ты не слышал этого слова никогда?
- Нет я ничего не слышал.
- А то что там концлагерь был фашистский во время войны?
- Ну, слышал...

- Ну и что ты о нем знаешь?

- Ничего, нам не рассказывали в школе.

Примерно также отвечали и десятки других школьников. Впрочем, чего еще ожидать от них? Ведь, пересмотрев почти все учебники по истории, вы найдете только два упоминания об Освенциме – в перечне гитлеровских концлагерей. Почему это место называется лагерем смерти, в книге не написано. На вопрос, в каком замке обитал Гарри Поттер или где живут хоббиты, ученики отвечали без запинки.



ПАЛАЧИ

Ангел Смерти

Йозеф Менгеле... Анна Франк назвала его "Ангелом Смерти", после чего это "зловещее" определение навсегда стало синонимом его имени.

Рождение чудовища

Родился Йозеф 16 марта 1911 года в Гюнцбурге, небольшом старинном городке на берегу Дуная, в Баварии. Менгеле был вторым сыном преуспевающего баварского промышленника. С ранних лет Менгеле получил привычку одеваться исключительно в шитую вручную одежду, что потом стало его отличительным признаком. По его белым хлопчатобумажным перчаткам заключенные Аушвица отличали его от остальных врачей.

В своих мемуарах Менгеле описывал отца как холодного и почти помешанного на работе человека. Однако рабочие на фабрике больше всего боялись Вальбургу Менгеле, мать Йозефа. Вспыльчивая женщина со взрывным характером, она часто прилюдно порола наемных рабочих за лень и за плохо выполненную работу. Ее Менгеле описал как существо, никогда не любившее и не способное любить.

Применительно к нему вряд ли стоит говорить о любимых исследователями Третьего Рейха "фрейдистских комплексах": те, кто знали его в молодости, описывали юного Йозефа как веселого и прилежного студента.

В 1930 году Йозефа приняли в университет Мюнхена. Столица Баварии в то время была сердцем набиравшего силу национал-социалистического движения, возглавляемого Адольфом Гитлером, а к 1930 году партия нацистов была уже второй по величине в Германии. В Мюнхене Йозеф познакомился с расовой идеологией Розенберга, которая произвела на него большое впечатление. Позже Менгеле оказался в университете Франкфурта-на-Майне. До поступления в университет он оставался совершенно аполитичным. Его

став и позже писал в своих мемуарах: "Мои политические взгляды были, как кажется мне, под влиянием семейной традиции, консервативными. Я не присоединялся ни к какой политической организации. Но было сложно долго оставаться в стороне в эти политически неспокойные времена, когда наша родина могла сдаться под натиском марксистско-большевистской атаки. Простая политическая концепция в конце концов стала решающим фактором в моей жизни".

Студентом Менгеле посещал лекции доктора Рудина, который утверждал, что, во-первых, существуют жизни, которые не стоят того, чтобы их прожить, а во-вторых, что доктора имеют право уничтожать подобные жизни, "исключать их из популяции". Взгляды Рудина пришлись по душе Гитлеру, который привлек доктора к созданию Закона по защите наследственного здоровья, ко-



торый вышел в 1933 году. Закон призывал стерилизовать тех, кто демонстрировал некоторые признаки, чтобы они не производили дальнейшего загрязнения германского генофонда – малодушием, шизофренией, маниакальной депрессией, эпилепсией, наследственной слепотой, глухотой, физическими уродствами, алкоголизмом, болезнью Хантингтона.

"Политическая концепция", о которой писал Менгеле, стала той дверью, через которую он намеревался достичь вершин своей карьеры, славы исследователя и ученого.

Менгеле получил звание доктора философии за свою работу под названием "Расовое морфологическое исследование нижней челюсти в четырех расовых группах". В 1936 году он начал работу при университетской клинике в Лейпциге. Вскоре Менгеле получил должность научного сотрудника в Институте наследственности, биологии и расовой чистоты при Франкфуртском универси-



Народ мой,
выпростай из-под убитых
руку.
Пусть встанет тень твоя
над сонмом мертвецов.
Пусть род людской поймет
чудовищную муку
Сожженных известью
в глубинах братских рвов.

Ицхак Каценельсон



борьба за славу была ограничена областью антропологии. Однако он легко проникся идеями наци-



тете, где работал с генетиком фон Вершуером, который публично поддерживал Гитлера.

Совмещая изучение философии и занятия медициной, Менгеле "пришел к выводу", что люди, как и собаки, обладают родословной. Позднее он проводил эксперименты по выведению расы голубоглазых, светловолосых нордических великанов. В 1939 он вступил в войска СС в звании унтерштурмфюрера, служил военным медиком во Франции и России.

Глаза на стене

В 1943 году Гиммлер назначил Менгеле главным доктором Аушвица. Как утверждал его коллега в Аушвице, тот находился в лагере в привилегированном положении – ведь он был ранен на Восточном фронте и обладал несколькими медалями, в числе которых был Железный Крест.

Менгеле выбрал Аушвиц, поскольку тот давал ему обширное поле для исследований. Прибыв на место, доктор немедленно продемонстрировал свои серьезные намерения, чему помогла разгоревшаяся до его приезда эпидемия тифа. Он приказал отправить в газовые камеры около тысячи заболевших цыган.

Свидетель Максимилиан Штернол рассказывал: "Ночью 31 июля 1944 года произошла ужасная сцена уничтожения цыганского табора. Стоя на коленях перед Менгеле и Богером, женщины и дети умоляли пощадить их. Но это не помогло. Их зверски избили и затолкали в грузовики. Это было ужасное, кошмарное зрелище".

В Аушвице Менгеле привлек многих врачей к отбору работоспособных евреев, которых направляли на промышленные предприятия. Всех прочих отправляли в газовые камеры. Узники двигались строем перед доктором, который командовал либо "направо!", либо "налево!".

Дуглас В. Линотт пишет: "Солдаты SS сопровождали обреченных заключенных на платформу, где последних осматривали. Они проходили перед офицером SS, который, среди всего безумия, агонии и смерти, казался каким-то отвлеченным. Его приятное лицо украшала улыбка, униформа на нем была тщательно вычищена и выглажена. Он весело насвистывал мелодию из любимой оперы Вагнера. Его глаза не отражали ничего, кроме легкого интереса к драме, которая разворачивалась перед ним, к драме, чьим единственным архитектором был он сам. Он держал в руке кнут, но вместо того, чтобы бить заключенных, проходивших мимо, он использовал его для указания направления, в котором они должны были идти, налево или направо.

Неизвестный заключенным, этот обворожительный и красивый офицер занимался своей любимой работой в Аушвице, выбирая, какие из вновь прибывших подходили для работ, а какие из них

должны были незамедлительно быть посланы в газовые камеры или в крематорий. Те, кого посылали налево, примерно 10 или 30 процентов из новоприбывших, были спасены, по крайней мере, на секунды. Те же, кого посылали направо, были обречены на смерть, не имея шанса даже взглянуть в глаза своего судьи. Красивый офицер, обладавший абсолютной властью над всеми заключенными лагеря, был Йозефом Менгеле, Ангелом Смерти".

Менгеле проводил медицинские эксперименты над заключенными, особенно над близнецами, с целью выявить способы увеличения германской нации. Однажды он провел операцию, во время которой были сшиты вместе два цыганенка, пытаясь создать сиамских близнецов. Его особенно интересовали исключительные случаи.

Он стремился раскрыть секреты генной инженерии, разработать методы уничтожения "низших" генов, чтобы создать высшую арийскую расу. Считая, что эти тайны ему помогут раскрыть исследования близнецов, Менгеле зарезервировал для них специальный барак, как и для карликов, уродов и прочих "экзотических особей". Он тщательно заботился о том, чтобы его возлюбленные объекты, так называемые "дети Менгеле", не умерли. "Дети Менгеле" также были избавлены от побоев и принудительного труда, чтобы поддерживать их здоровье в хорошем состоянии. Ему нужно было сохранить эти особи здоровыми для дальнейших экспериментов. Но, как ни иронично звучит это, эксперименты, которые ставил Менгеле над своими "детьми", были самыми жестокими, и многие из них погибали в их ходе.

Воображение Менгеле не знало пределов, когда дело касалось изобретения пыток для его жертв. Предварительные осмотры детей были вполне рутинны. Их опрашивали, измеряли и взвешивали. Менгеле ежедневно брал образцы их крови и посылал их профессору Вершуеру в Берлин. Он вводил кровь одного близнеца другому (часто из другой пары) и фиксировал результаты. Обычно это были лихорадка, сильная головная боль, которая продолжалась несколько дней, и прочие воспалительные симптомы. Чтобы выяснить, может ли быть улучшен цвет глаз, Менгеле переливал глазные жидкости. Это всегда приводило к развитию инфекции, иногда – к слепоте.

Если близнецы умирали, Менгеле забирал их глаза и прикалывал их к стене в своем кабинете, как некоторые биологи прикалывают к стендам красивых жуков.

Маленьких детей сажали в изолированные клетки, им вводились различные стимуляторы. Некоторых стерилизовали или кастрировали. Другим

"Юденфрай" Варшава,
Познань, Краков,
Весь протекторат из края
в край
В черной чертовне
паучьих знаков,
Ныне и вовеки
"юденфрай"!

Александр Галич

...

Пой вопреки всему,
наперекор природе.
Ударь по струнам,
пой, сердцами овладей!
Спой песнь последнюю
о гибнущем народе, —
Ее безмолвно ждет
последний иудей.
Ицхак Каценельсон





Все молча здесь кричат,
и, шапку сняв,
я чувствую, как медленно седею.
И сам я, как сплошной беззвуч-
ный крик над тысячами тысяч по-
гребенных.
Я —каждый здесь расстрелянный
старик.
Я —каждый здесь расстрелянный
ребенок.

Евгений Евтушенко

Рассказывайте все,
вагоны-труповозы;
Начало видел я,
конец видали вы:
Истерику толпы, бичи,
дубинки, слезы,
И аккуратные,
как по линейке, рвы.

Ицхак Каценельсон

удаляли органы и части тела без анестезии, или же вводили инфекционные агенты, чтобы посмотре-
ть, как быстро они вызовут заболевания.

Он сам был Аушвицем

Во время Франкфуртского процесса свидетели рассказывали, как Менгеле стоял перед своими жертвами, держа большой палец на портупее, и отбирал кандидатов в газовые камеры. По словам доктора Эллы Лингенс, австрийки, оказавшейся Аушвице за попытку спрятать нескольких друзей-евреев, Менгеле играл свою роль "вершителя судеб" с удовольствием: "Таким как Вернер Род, который ненавидел свою работу, и Ганс Кенинг, которому она внушала глубокое отвращение, приходилось выпивать перед тем, как появиться на помосте. Только два доктора осуществляли отбор без всякой предварительной стимуляции: доктор Йозеф Менгеле и доктор Фриц Кляйн. Менгеле был особенно холоден и циничен. Однажды он сказал мне, что существует только два типа одаренных людей в мире: немцы и евреи, и вопрос только в том, кто станет высшим. Так что он решил, что последние должны быть уничтожены.

Менгеле выполнял свою работу с удовольствием, появляясь даже на тех отборах, на которых его присутствие не требовалось, всегда одетый в свою лучшую форму. Он держал себя легко и непринужденно в своих до блеска начищенных черных ботинках, идеально выглаженных штанах и жакете, в белых перчатках, в то время как море отчаяния плескалось у его ног в виде изможденных и голодных заключенных".

Когда ему доложили, что в одном из блоков появились вши, Менгеле отправил в газовую камеру всех 750 женщин из этого барака. Медицина, его специальность, была лишь второстепенным интересом Менгеле, истинной его страстью была евгеника, поиски ключа, которым он бы смог отомкнуть секреты генетики и обнаружить причины человеческих уродств. Интерес Менгеле к этой области возник тогда, когда некоторые известные германские академики и профессора создали те-



орию о "недостойной жизни", теорию, утверждавшую, что некоторые жизни не стоят того, чтобы их прожить. Именно тогда Менгеле начал бороться за то, чтобы выделиться, чтобы не только добиться славы и уважения как исследователь, но и усовершенствовать германскую расу.

Тем не менее, Менгеле трудно воспринимать как некоего академика, бывшего готовым пойти на все ради удовлетворения своей научной любознательности, и все теории, способные объяснить причины или даже в какой-то мере "оправдать" его жестокость, рушатся под натиском самой этой жестокости.



Доктор Гизелла Перл вспоминает инцидент, когда Менгеле поймал женщину при ее шестой попытке бегства из грузовика, везшего жертв для газовой камеры: "Он схватил ее за шею и начал жестоко избивать, превращая ее лицо в кровавое месиво. Он бил ее, пинал, особенно в голову, и кричал: "Ты хотела убежать, не так ли? Ты не можешь уйти. Ты сгоришь как все, ты сдохнешь, грязная еврейка".

Я видела, как ее умные глаза исчезали за сплошной пеленой крови. За несколько секунд ее прямой нос стал плоским, разбитым, сплошным кровавым пятном. Час спустя, Менгеле вернулся в госпиталь. Он достал кусок душистого мыла из своей большой сумки и, весело насмивываясь с





улыбкой глубокого удовлетворения на лице, начал мыть руки".

Менгеле занимал свое время актами жестокого насилия, такими как расчленение живых младенцев, кастрация мальчиков и мужчин без анестезии, и использование электрического шока для проверки выносливости женщин. Однажды Менгеле стерилизовал группу польских монашек при помощи рентгеновских лучей, после чего сжег женщин.

В другой раз, когда крематорий был переполнен и не мог вместить тысячи евреев, направленных в лагерь, он приказал вырыть большой котлован, который затем был заполнен бензином и подожжен. Живые и мертвые, взрослые, дети и младенцы, были брошены в яму и сожжены под личным надзором Менгеле.

Русский обитатель лагеря, А. Петько, описывает еще один достойный упоминания случай: "Группа офицеров SS приехали на мотоциклах. Они заехали во двор, слезли с мотоциклов и разожгли огонь. Затем приехали около десяти грузовиков с детьми. Офицеры стали швырять детей прямо

в огонь, в ямы. Дети кричали, некоторым из них удавалось выбраться их горящей ямы. Офицер с палкой ходил вокруг и сбрасывал таких обратно. Комендант Аушвица и Менгеле присутствовали при этой сцене и отдавали приказы".

Доктор Йозеф Менгеле не просто был частью лагеря, он сам был Аушвицем.

Демон мертв?

После войны Менгеле провел некоторое время в британском госпитале для интернированных лиц, а затем исчез. Очевидно он, как это сделал Адольф Эйхман, перебрался в Рим, а оттуда по поддельным документам на имя Грегорио Грегори – в Буэнос-Айрес.

Менгеле прибыл в Аргентину, когда страной управлял диктатор Перрон. Этот правитель имел дружественные отношения с нацистами Европы, а также с теми из них, кто уже жил в Аргентине. Менгеле изменил имя и получил поддержку от нацистских организаций.

Включенный в списки разыскиваемых военных преступников, он стал объектом поисков Интерпола, израильской разведки и "охотника" за нацистами Симона Визенталя. За его поимку некая организация из Франкфурта-на-Майне в 1961 предложила 5 тысяч долларов, а в 1971 Центр документации в Хайфе увеличил награду до 50 тысяч долларов. В 1973 году польская Комиссия по расследованию нацистских военных преступлений сообщила, что из различных источников ей стало известно местопребывание Менгеле: под именем Педро Кабальеро он проживает в Парагвае, недалеко от бразильской границы. Видимо, в 1957 году Верховный суд Парагвая предоставил ему гражданство. Общавшиеся с Менгеле очевидцы говорили, что он охотно рассказывал о своем прошлом.

Однако все это может быть отнесено к разряду мифов. Что случилось с Менгеле, до сих пор остается тайной. Хотя в 1985 году были найдены кости, которые, исходя из исследований, могут принадлежать Менгеле, многие до сих пор не верят, что Ангел Смерти мертв.

Их уводили в рабство, истязали.

Не потому ли дети с давних пор

Рождаются

с печальными глазами,

В которых замер вековой укор?..

Андрей Дементьев





Гетто или концлагерь?

Мы ловим пыльными губами
Июньский дым и запах лета,
Но лета нет, над берегами
Который год пылает гетто...

Анатолий Головков

...

Жили и мы когда-то рядом,
И пожелать сердечно рады
Ласки Господней
Всем, кто сегодня
В наших живёт домах.
Нас не отыщешь в гетто, в гетто,
Мы по соседству где-то, где-то,
В тёмных дубравах,
Солнечных травах
И полевых цветах.

Александр Городницкий

Впервые идея выделения в городах кварталов для сосредоточения в них евреев с их последующим уничтожением пришла в голову Гитлеру, но поскольку это было в 1938 году, то полезное предложение главного авиатора Германии показалось преждевременным, и его отклонили. Однако спустя год Гитлер уже дал указание "лишать евреев права профессиональной деятельности и концентрировать их в гетто, где они будут планомерно уничтожаться".

Однако же еврейский квартал Марэ (Плецл) в Париже почему-то не был превращен в гетто, причем это не случилось ни на другой день после взятия германскими войсками Парижа, ни через год. Нельзя сказать, что с французскими евреями поступали гуманно. Отнюдь. Полиция Франции постепенно, месяц за месяцем, вылавливала их, сосредотачивала в Вель д'Ив, затем отвозила в пригородный бурганд Дранси, там переписыва-



ла, загружала в эшелоны и отправляла на Восток, предупредив, что речь идет о переселении. Большая часть этих "переселенцев" погибла в Освенциме, а многие в Минском, Каунасском и Рижском гетто. В частности, между октябрём 1941 и ноябрём 1942 года в Минск, в дополнение к десяткам тысяч местных евреев, было депортировано 35 442 еврея из Германии и протектората Богемии и Моравии (Чехословакия). Для них рядом с основным было создано "Райх гетто", которое тоже было аккуратно разделено на секторы в соответствии с происхождением прибывающих из Гамбурга, Франкфурта и других городов. Большинство из них тут же поездом отправлялись в Малый Тростянец – там их расстреливали. Почему-то нельзя было дать им умереть по месту жительства.

В военное время, когда каждый вагон и каждый паровоз на учете: французских, бельгийских, голландских – всех евреев Западной Европы, сотнями тысяч для того, чтобы уничтожить, везли почему-то в Восточную, в частности, в Польшу и Белоруссию, и уже там лишали их жизни! Убивать их на месте, как в Минске или Киеве, немцы почему-то не решались. Даже киевская трагедия отличается от минской. Войдя в Киев, немцы с относительной легкостью, потому что при активнейшей помощи киевлян, собрали евреев и всех отправи-

ли в Бабий яр. Создавать для них в качестве пе-



ресыльной зоны гетто не понадобилось. Спаслись единицы. Точнее – 5 человек. Чудом. Для сравнения: в Берлине спаслось 50. Такой же была панорама почти всех еврейских трагедий от Львова до Харькова.

Партийные боссы и генералы гитлеровской Германии были прекрасными психологами, и они великолепно представляли себе вероятную реакцию парижан, берлинцев, варшавян, киевлян и



минчан на станцию Дранси, пламя Вашавского гетто, Яму в Минске или Бабий яр в Киеве. Вероятно, Гитлер был первым, кто кварталы,



предназначенные для концентрации евреев, как технологический этап окончательного решения еврейского вопроса, назвал словом "гетто". В действительности, если следовать этимологии и истории термина, это были вовсе не гетто, а своего рода концлагеря городского типа, в которых удобно было убивать на месте пулями, голодом, холодом и болезнями или партиями вывозить на расстрел, и с этой работой они успешно справились во многих оккупированных городах. Правда, были гетто, где немцам и их холоум пришлось столкнуться с сопротивлением: Варшава, Белосток, Вильнюс и др.

По свидетельству исследователей первое в истории Европы гетто было создано в 1516 году в Венеции и имеется несколько гипотез относительно происхождения этой формы еврейской общины, среди которых предположение, что "гетто" происходит от ивритского "гет", что означает "отделение", "разделение", "развод", хотя существуют и другие варианты этимологии этого слова. Речь шла о том, что с одной стороны евреи, как специалисты во многих ремеслах, финансах и торговле были необходимы славному городу, а с другой представляли опасность, как идеологические противники христианства. Отделение было единственным выходом из этого затруднения.

В последующие годы гетто получили большое рас-



пространение во многих европейских городах, где скапливалось много евреев. Хотя на евреев повсеместно налагались всевозможные ограничения, подчас обременительные и унижительные для их достоинства, но в принципе, требование жить отдельно на выделенной для этого феодалом или городскими властями территории даже не было формой насилия. Евреи сами были заинтересованы в отделении, позволявшем жить отдельно, по своим, а не чуждым им обычаям.

В гетто было значительно чище в физическом и нравственном отношениях, безопаснее, его жители были поголовно грамотны и в нем соблюдались традиции еврейских предков. Выборы должностных лиц происходили по правилам, сходным с теми, которыми гордятся современные демокра-

тические государства. Евреи предпочитали, чтобы христиане приходили к ним только по делу.

В Российской империи вместо гетто была создана черта оседлости, в соответствии с которой евреям разрешалось селиться и жить в строго определенных местах. Некоторые местечки ("штетл") были чисто еврейскими, население других было смешанным, но всюду евреи сами предпочитали жить кучно и отдельно от христиан, каждая группа вокруг своей синагоги, служившей одновременно домом молитвы ("бейт-тфила"), учебы ("бейт-сефер") и собраний ("бейт-кнесет").

В целом черта оседлости была одним из свидетельств глупости и упрямства царских правительств от Екатерины Второй до Николая Второго, которые, вместо того чтобы снять запреты и открыть возможности для развития экономики инициативой способных к бизнесу людей, защищало интересы купцов типа Дикого от еврейских "живчиков", которые, конечно же, в два счета пустили бы его по миру. Случилось бы примерно то же, что в 1992 году, когда на 7 крупнейших олигархов шестеро оказались евреями.

В Восточной Европе эти населенные пункты и кварталы словом гетто не называли, но, по сути, их смысл и организация были такими же.

Назвать 34 улицы Минска в районе Немиги словом "гетто" было само по себе уже издевательством со стороны убийц-нацистов, но это слово осталось в памяти и пусть уж остается, страшное и трагическое. Важно, однако, помнить, что созданные гитлеровцами смертоносные гетто ничего общего с еврейскими кварталами средневековья не имеют. Средневековые гетто тоже помнят не лучшие времена, грабежи, погромы и выселения, но, тем не менее, можно сказать, что они создавались для жизни и, в известной степени, для удобства взаимного общения и кооперации.

Гитлеровское изобретение имело единственной целью массовое убийство.

Все мы – продукт воспитания и заблуждений XX века, а многие из нас до сих пор считают, что прошедший век был более "прогрессивным" и "гуманным", чем все предыдущие. Увы, как раз наоборот. Достаточно прочесть описание так называемых "акций" в многочисленных гетто и попытаться представить себе этот кошмар в натуре, чтобы понять, что от такого зрелища содрогнулись бы солдаты Навуходоносора, Аттилы, Чингисхана и даже Хмельницкого. С Иваном Грозным от такой картины случился бы инфаркт, и в этом нет никакого преувеличения, потому что расправы над евреями совместно высоко цивилизованными германцами и славянами XX века являют собой пример падения нравов, неизвестного ни во времена Римской или Российской империи.



Имею честь принадлежать
К тому гонимому народу,
Которого, лишив свободы,
Стремятся в яму затолкать.

Давид Симанович

Когда горело гетто,
Когда горело гетто,
Варшава изумлялась
Четыре дня подряд.
И было столько треска,
И было столько света,
И люди говорили:
- Клопы горят.

Александр Аронов



820 дней Минского гетто

Из воспоминаний Альберта Лапидуса

"Юден капут"

Мое детство опалено войной. Из многих тысяч малолетних узников Минского гетто удалось спастись лишь несколькими десяткам, среди них был и я. Все меньше остается свидетелей тех страшных лет, и это побудило меня взяться за перо.

Воспоминания о довоенной жизни у меня связаны с бабушкой Миней. Так уже было заведено, что первым человеком в семье была бабушка – и для детей, и для невесток, и для внуков, и для соседей – словом, для всех. Я любил бабушку

но, убегали как могли – штурмовали последние, уходящие на восток поезда, шли пешком, выби-
рались на грузовых автомашинах. В июне многие дети находились в пионерских лагерях, родители пытались добраться туда. Но большинство лаг-
рей успели вывезти, и растерянные, обезумевшие от горя родители возвращались домой.

Все наши близкие родные – папины братья и их семьи – собрались у бабушки: как быть, что де-
лать. С бабушкой мы двигаться не могли. Самим бежать, а стариков оставить – об этом не могло быть и речи. Значит, нужно оставаться в городе. Многие семьи, где были немощные старики, при-
нимали такое же решение.

Бабушка жила в центре города, недалеко от
площади Свободы. Каждую минуту в дом могла
угодить бомба. Решили перебраться к мамину
брату, домик которого был на окраине. Сам дядя
с семьей эвакуировался, в их доме оставался мой
второй дед Евсей – упрямый старик категориче-
ски отказался оставлять без присмотра домаш-
ний скarb. Папа и дядя Семен на руках перенес-
ли бабушку. Назавтра вернулись за вещами, а дом
уже разрушен прямым попаданием бомбы.

Дядя Иосиф отвел свое семейство к отцу
жены на улицу Флакса. Сам он должен был идти
воевать, оставив Соню одну с четырьмя детьми:
старшему Фиме 4 года, Лева – 2, а двойняшкам
Саррочке и Бореньке – по 4 месяца.

Мой папа тоже считал, что его долг – быть
на фронте. Можно представить, как тяжело было
ему уходить, оставляя беременную жену, сына и
старых, больных родителей. Взрослые прощались
сдержанно, не было криков и рыданий, не хотели
травить друг другу душу. Я плакал ужасно.

Немцы вошли в Минск на шестой день вой-
ны. Как все переменялось! Часто те, кого считали
искренними друзьями, отзывчивыми соседями,
превращались в злобных антисемитов. А бывало
и наоборот: кого не отнесли бы к числу близких,
оказывались людьми с доброй и чистой душой.

Была у мамы близкая подруга, часто приходи-
ла к нам в гости, во мне души не чаяла, была сво-
им человеком в семье. И вот шли мы как-то с ма-
мой по улице, я ее заметил, закричал: "Тетя Даша,
тетя Даша!" Та оглянулась, посмотрела на нас с не-
навистью и прошла мимо. Мама потом долго по-
вторяла: "Почему она так, ну, почему она так?"

Из немецких громкоговорителей, установ-
ленных на автомашинах, раздавались выкрики:
"Юден капут, юден капут". Каждый день мы узна-
вали: кого-то застрелили, кого-то повесили – фа-
шисты вводили в городе свой, новый порядок.
Стоило мне выйти на улицу, как мои сверстники,
дети 8-9 лет, кричали вдогонку: "Жид, жид!" А од-
нажды мальчишка лет 12-13, сын полиция, схва-
тил меня, прижал к забору и, зло сощурившись,



Средь мертвой тишины

Мне ветер напевал:

Не выйти из войны

Тому, кто воевал!

Борис Пастернак

...

То ли мертвых вспомнили живые,

То ль жалеют мертвые живых.

Борис Пастернак



и очень жалел ее. Она болела тяжелой формой
полиартрита, не могла ходить, с постели поднимал-
ась только на костылях.

Дедушка Абрам был на редкость молчаливым
человеком. В Первую мировую войну он был от-
правлен на фронте газами, попал в плен, вернулся
инвалидом – слепой на один глаз.

У бабушки и дедушки было пятеро детей –
четверо сыновей и дочь Маша, самая младшая.
Трое старших: Семен, мой папа Израиль и Вениа-
мин – жили отдельно, а Иосиф и Маша – с родите-
лями. У Иосифа было четверо детей.

Каждая семья жила своими радостями и пе-
чалями, своими надеждами и разочарованиями,
своими большими и малыми проблемами. И вдруг
на всех свалилась одна большая беда – война. В
первые же дни Минск сильно бомбили. Паника
была ужасная, эвакуация проходила беспорядоч-



процедил сквозь зубы: "Скоро всем вам, жидам, конец!" Испугался я не на шутку.

Поймай младенца на штык

16 июля вышло распоряжение, запрещающее евреям ходить по тротуарам и здороваться со знакомыми неевреями, под страхом расстрела было приказано нашить на груди и спине желтые "латы" диаметром 10 сантиметров. Все понимали, что это только начало.

20 июля, последовал приказ коменданта города о переселении евреев в гетто. До войны в Минске проживало 80 тысяч евреев, что составляло почти треть населения города. В район гетто были включены улицы: Апанского, Заславская, Коллекторная, Колхозная, Немига, Обувная, Ратомская, Республиканская, Старо-Мясницкая, Сухая, Танковая, Флакса, Шорная и другие, застроенные в основном деревянными одноэтажными домами. На взрослого выделялась площадь 1,5 квадратных метра, дети не учитывались. Разрешалось взять с собой 15 килограммов вещей на человека.

Трагизм положения воспринимался каждым по-разному: страхом, смятением, растерянностью – у одних, суетливой деловитостью – у других, оцепенением и покорной отрешенностью – у третьих. Многие отчетливо сознавали, что прощаются не только с прошлым, с домом, с соседями, но и с самой жизнью.

Семьями выходили из домов, вливаясь в общий людской поток. Оба моих деда везли бабушку на коляске. Меня мама крепко держала за руку. На тротуарах стояли люди: русские, белорусы, поляки – и смотрели на этот марш обреченных. Некоторые смотрели с любопытством, иные – со злобой, но были в этой толпе люди и с заплаканными глазами.

Гетто было окружено колючей проволокой. При малейшей попытке пробраться через нее в так называемый "русский" район – расстрел. Тяжело было свыкнуться с мыслью, что мы – узники.



Первые дни все находились в состоянии шока.

Всю нашу семью – 8 человек – поместили в маленькую комнату по Старо-Мясницкой улице. В таких же условиях оказались буквально все семьи. Если к тесноте еще можно как-то привыкнуть, то к голоду – никак. Семьи, которые оставались жить в своих квартирах, имели кое-какие запасы продуктов и на первых порах находились в лучшем положении, чем переселенцы. Наша семья голодала ужасно. Иногда соседи или знакомые давали несколько ложек муки, из нее варили похлебку. Однажды подруга тети Маши дала нам полбуханки хлеба. Часть хлеба в тот же день съели, разделив на 8 равных частей, оставшуюся часть положили в кухонный шкафчик. Все мои мысли были заняты этим хлебом. Я многократно в течение дня подходил к шкафчику, тихонько открывал дверцу и, боясь, что не удержусь – отщипнув кусочек, поспешно отходил. Когда совсем невмоготу было переносить голод, мама отправляла меня пораньше спать. Сама она очень тяжело переносила голод, будучи на последнем месяце беременности, с ней часто случались обмороки.

В гетто по указанию оккупантов на Обувной улице, в одноэтажном деревянном здании, была создана больница. Мама родила в этой больнице. В тот же день, после родов, она с младенцем ушла домой, оставаться было опасно – в любую минуту могли нагрянуть гитлеровцы. Рожениц и новорожденных они пристреливали на месте – евреям рожать запрещалось. Нация, подлежащая полному уничтожению, не имеет права воспроизводить потомство.

Все мужское население гетто обязано было работать. Каждое утро колонны под охраной эс-совцев и овчарок выходили за ворота гетто. Не все колонны возвращались домой. Часто людей выводили за город и расстреливали.

На улицах гетто гитлеровцы постоянно устраивали облавы. В какие-то дни хватали только мужчин, в другие – женщин, их судьба была предreshена. Очень часто во время облав каратели не хотели тратить на детей патроны. Они разбивали головы о стены или переламаывали через колено позвоночник. Бывало и так, что малыша подбрасывали вверх и в воздухе ловили на штык.

Я бы заплакал – слезы не идут.
Я бы заплакал с жадностью ребенка,
И плакал долго, жалобно и тонко,
До утомленья – словно это труд.

Игорь Хариф

...

Ведь бывают слова – навсегда,
и навеки – пути,
От которых отречься нельзя, отрекаясь
стократно.

Мекка свята, поскольку земля за тобой
позади

Невозвратна уже, невозвратна уже,
невозвратна.

Игорь Хариф





Для фашистов это была забава.

Первый погром

Нас убивали не только пулей, но и голодом. Тот, кто работал, получал раз в день черпак баланды и 200 грамм хлеба, остальные – ничего. Так называемый паек работающий сам не съедал, приносил домой. Жили еще тем, что иногда через колючую проволоку меняли вещи на продукты. Обмен был связан с риском для жизни: к колючей проволоке запрещалось подходить. Нарвешься на патруль – расстрел. Поэтому обмен совершался очень быстро: из гетто через проволоку бросали вещи, а из "русского" района – продукты. Со наружной стороны в обменах участвовали, в основном, крестьяне из ближайших деревень.

Согласно приказу немецкого командования, супруги при смешанных браках обязаны были жить по разные стороны колючей проволоки. Нарушение приказа каралось расстрелом. Бывали, хотя не часто, и такие случаи, когда русская жена или русский муж даже под страхом смерти не хотели разлучаться, становились доброволь-



ными узниками гетто. У нашего знакомого Ефима Агинского в гетто находилась русская жена Надя. В дальнейшем они оба бежали в партизаны, он стал подрывником, она – разведчицей.

Первый погром был 7 ноября 1941 года. Накануне люди находились в каком-то тревожном предчувствии. По гетто ползли слухи, что немцы готовят карательную акцию. Не зная, как можно спастись, каждый в душе надеялся, что его улицы это не коснется.

На рассвете услышали шум. Кто-то выглянул в окно – улица полна немцев. В панике стали метаться по комнате, от страха меня бил такой озноб, что зуб на зуб не попадал. Через минуту раздался страшный стук в дверь – все, конец. И тут дядя Семен крикнул: "На чердак!" Мама схватила малыша, а бабушка ей говорит: "В ту войну немцы грудных детей не убивали – оставляй, его не тронут, Алика спасай". Подталкивая друг друга, мы стали карабкаться на чердак, старикам это было не под силу, они остались внизу. Когда дедушка открыл дверь, немец ударил его прикладом автомата. Всем было приказано выходить и строиться в колонну. В тот момент, когда выталкивали стариков, один из немцев полез на чердак. И

тут произошло чудо. Крышка чердака была с пружиной. Немец откинул крышку, мы уже видели из темноты его голову, и в этот момент пружина сработала – крышка ударила фашиста по голове. Он вырвался и сошел вниз.

Перед отправкой колонн каратели делали второй, беглый обход домов. Немец зашел и к нам, и тут мой новорожденный братик, лежащий среди барахла на кровати, заплакал. Немец взял его и передал кому-то в колонне. Всех расстреляли около деревни Тучинка, что под Минском, у заранее подготовленных ям. Убитых и раненых засыпали песком. После ухода палачей еще долго шевелилась земля...

Во время первого погрома погибло 13 тысяч человек.

Мы просидели на чердаке более пяти часов. Убедившись, что погром закончен, спустились вниз. Мертвая тишина. Пустые постели. Нас охватило отчаяние. Невозможно было поверить, что я больше не увижу братика, дедушек, бабушку. Каждая их вещичка, попадавшаяся на глаза, разрывала душу, приобретала теперь особую трогательность. "Мы даже не попрощались", – тихо произнесла тетя Маша. От этих слов все разрыдались.

Задерживаться здесь уже было опасно. В любую минуту могли нагрянуть гитлеровцы. Улицы, попавшие под погром, переходили в русский район.

Мы направились на улицу Флакса, к Иосифу, который вернулся в Минск через несколько дней после оккупации города. Его воинская часть под Борисовом была сметена немецкими танками, почти все погибли.

Теснота была невообразимая – с трудом размещались на ночь на полу. Так мы прожили неде-



Я зарастаю памятью,
Как лесом зарастает пустошь,
И птицы-память по утрам поют,
И ветер-память по ночам гудит,
Деревья-память целый день лепечут...

Давид Самойлов

...

Большую повесть поколенья
Шептать, нащупывая звук,
Шептать, дрожа от изумленья
И слезы слизывая с губ.

Давид Самойлов

...

Я как фонтан, иссохший от рыданий.
Ведь он, и мертвый,
Слышит в шуме дня
Свой гул, и голос в каменной гортани
Еще дрожит, как песнь внутри меня.
Габриэла Мистраль



лю, даже не подозревая, что папа уже недалеко от Минска, и скоро мы встретимся.

Самые кровопролитные бои, в которых папа участвовал, были под Вязьмой, недалеко от Москвы. Несколько армий оказались в "мешке" у немцев. Кольцо окружения все больше и больше сжималось. Ситуация критическая, в войсках паника, растерянность. Был отдан приказ выйти из окружения небольшими подразделениями. Папа принял решение пробираться в Белоруссию. Более пятисот километров прошел он по оккупированной территории, по падал к немцам, сбегал. В середине ноября папа оказался в Минске. Когда стемнело, пробрался в гетто и нашел нас.



Под прицелом у Рейха

Во время очередной облавы погиб мой дядя Иосиф. Трагической оказалась и судьба его семьи. Фима и Лева переносили голод тихо, без жалоб, но в их глазенках была жуткая, леденящая душу печаль. Двойняшки только первое время плакали, потом у них уже не было сил – они лишь жалобно стонали и посиневшими губами сосали пустую грудь матери. Однажды рано утром Соня и ее сестра Фира положили малюток на крыльцо детдома. Через десять дней их не стало. Через неделю во время облавы погибла Соня. Фима и Лева остались круглыми сиротами. Как будто в предчувствии вечной разлуки, братики ни на минуту

не покидали друг друга. В тот роковой день немцы устроили облаву на улице и в домах. Фима и Лева спрятались в старом шкафу, который стоял в коридоре. Когда немец выталкивал из дома мужчин (облава была только на мужчин), один из них задел плечом шкаф, и дверца открылась. Эсэ-совец увидел там перепуганных мальчиков и тут же пристрелил их.

Минское гетто было одним из самых больших и постоянно находилось в поле зрения высшего руководства Третьего Рейха. Вскоре в Минск с инспекторской проверкой пожаловал сам рейхсфюрер СС Гиммлер. Он остался недоволен медленными, на его взгляд, темпами истребления евреев, и уже 20 ноября был второй погром. Эта акция унесла 7 тысяч жизней.

Когда начался второй погром, мы решили добираться короткими перебежками до ближайшей улицы, где уже прошел погром, надеясь, что фашисты туда быстро не вернуться. Велик страх быть убитыми на улице. Забежали в угловой дом, его обитателей только недавно погнали в колонну смертников – в печи еще тлели дрова, на полу валялись детские игрушки.

Погромы и облавы уносили тысячи жизней. Люди стали делать в домах тайники, где можно было бы спрятаться. Такое укрытие называли "малиной". Сооружение ее – это огромный труд, риск и изобретательность. Делалось все по ночам. Выбор варианта входа в "малину" во многом определял ее надежность. В нашем доме входом в "малину" был подпечник русской печи. Лаз под полом переходил в траншею, вырытую по периметру дома, вдоль траншеи стояли скамейки.

Немцы знали о существовании "малин", но найти вход в эти тайники зачастую не могли, поэтому, врываясь в дома, они простреливали пол, стены и потолок.

Считалось большой удачей, если кому-нибудь из узников гетто удавалось переправить по ту сторону колючей проволоки своего ребенка и через надежных людей устроить его под вымышленной фамилией в "русский" детский дом.

Уже в сентябре 1941 года в гетто стала действовать подпольная группа, которая затем выросла в разветвленную, тщательно законспирированную организацию.

Тяжелыми выдались для гетто первые месяцы 1942 года. Стала привычной такая картина: изможденный человек, с трудом передвигая ноги, везет на саночках покойника на кладбище. Рыть отдельные могилы уже не успевали, покойников укладывали в одну общую яму. В это время в гетто вспыхнула эпидемия сыпного тифа. Больница была не в состоянии вместить всех больных.

Века пройдут, а сердце помнит все.
Ведь на него, как путь на колесо
Намотана событий непрерывность.
Не потому ль невинный пустячок
Весенней ночью может дать толчок
Для большего,

чем сердцу можно вынести?

Юнна Мориц

...

Мы поднатужимся и встанем,
Костями застучим - туда,
Где дышат хлебом и духами
Еще живые города.

Задуйте свет. Спустите флаги.

Мы к вам пришли. Не мы – овраги.

Илья Эренбург

...

Как убивали мою бабу?

Мою бабу убивали так:

Утром к зданию горбанка

Подошел танк.

Сто пятьдесят евреев города

Легкие

От годовалого голода,
Бледные от предсмертной тоски,
Пришли туда, неся узелки.

Юные немцы и полиция
Бодро теснили старух, стариков
И повели, котелками бряцая,
За город повели, далеко...

Борис Слуцкий





Как я устал повторять бесконечно
все то же и то же,
Падать и вновь на своя
возвращаться круги...
Я не умею молиться, прости меня,
Господи Боже,
Я не умею молиться,
прости меня и помоги!..
Александр Галич

Тифозные лежали не только в инфекционном, но также в терапевтическом и хирургическом отделениях, многих больных даже держали дома. Ситуация усугублялась тем, что гитлеровцы ранее предупредили: при возникновении эпидемии все гетто подлежит уничтожению. Угрозу эту они бы, бесспорно, привели в исполнение – из опасения распространения эпидемии на их воинские части. Врачи больницы очень рисковали, когда при проверках указывали вместо тифа другие диагнозы: воспаление легких, дистрофию и т.п. Ни работники юденрата, ни еврейские полицаи не донесли фашистам об эпидемии тифа. Они понимали, что нужны немцам, пока есть гетто; если ликвидируют гетто, их тоже не оставят в живых. Персонал больницы делал все возможное для лечения и спасения больных. Там работали врачи, у которых высочайший профессионализм сочетался с исключительной чуткостью и душевной добротой. Некоторые врачи и медсестры, выхаживая больных, сами свалились в тифозной горячке. В этой битве за жизнь людей объединяло чувство братства и самопожертвования. Произошло чудо: без нужных медикаментов, в условиях невероятной скученности людей, вшивости, голода, холода и истощения удалось погасить эпидемию тифа и тем самым предотвратить тотальное уничтожение гетто.

Конфетка перед смертью

Очередной, третий по счету, погром был 2 марта 1942 года. Во время этой акции гитлеровцы планировали уничтожить 5 тысяч человек. В 10 часов утра, после ухода из гетто рабочих колонн, началась немислимая бойня. Первыми жертвами стали дети детского дома. Их построили в колонну и погнали на Ратомскую улицу, к огромному котловану. Детей расстреливали у края ямы, кого-то из них бросали в яму живьем. Душераздирающие крики малышей были слышны на других улицах. На эту экзекуцию прибыл сам гаулейтер Белоруссии Фердинанд Кубе. Перед казнью он бросал детям конфеты. Все это снималось для кинохроники.

Увидев, что не удастся набрать запланированное количество жертв, Кубе отдал приказ рас-



стреливать возвращающиеся колонны рабочих. Весь день длилась эта чудовищная расправа, на улицах стояли лужи крови, промерзшая земля не успевала ее впитывать. Мы пересидели погром в "малине".

31 марта был еще один погром. Иногда казалось, что нет уже сил бороться за жизнь в этом аду. Но, наверное, в моменты смертельной опасности в человеке пробуждаются такие скрытые резервы, о которых в обычных условиях он даже не подозревает.

под угрозой смерти все население гетто должно было по воскресеньям выходить на Юбилейную площадь на построение, как они называли, — на "апель". Посреди площади устанавливался стол, на него влезал комендант гетто эсэсовец Гаттенбах (он сменил на этом посту эсэсовца Рихтера) и начинал запугивать узников гетто, чтобы не удирали в партизаны, так как в лесу они погибнут от голода и холода, а главное, партизаны ненавидят евреев и убивают их. Обещал, что массовых погромов больше не будет. Гаттенбах требовал, чтобы жители гетто сообщали о подпольщиках и о тех, кто собирается совершить побег. Затем начинался второй акт этого представления. Гитлеровцы выталкивали вперед певца Горелика и заставляли его исполнять русские и еврейские песни. Из гамбургских евреев выбрали оркестр, который аккомпанировал певцу. У Горелика был изумительный тенор, его пение надрывало душу, люди стояли и плакали, а гитлеровцы хохотали. В июне 1942 года немцы повесили Горелика, и "апель" продолжались уже без музыкальной части.

Ни угрозы, ни аресты не останавливали людей. Они бежали из гетто в партизаны. Часто такие побеги завершались трагически – пуля настигала смельчаков, когда они перелезали через колючую проволоку, или когда уже шли по городу, или в деревнях и на проселочных дорогах.

Чтобы как-то пресечь уход евреев в партизаны, фашисты установили круговую поруку: если из состава рабочей колонны исчезал человек, ночью уничтожали всех членов его семьи и соседей. Подпольная организация нашла выход из этой ситуации. Врачи больницы, связанные с подпольем, подготавливали безымянные справки, в которых указывалось, от чего умер больной, и передавали эти справки в жилотдел юденрата. Жилотдел возглавлял Борис Дольский, он поступил на эту работу по заданию подпольного центра. Подпольщикам очень важно было иметь в юденра-





те своего человека. До войны Дольский был актером и режиссером театра имени Янки Купалы, известным в городе человеком. В гетто он обрек себя на великую муку: люди считали его предателем, презирали, а он делал все возможное, чтобы их спасти. В медицинские справки вписывались фамилии людей, уходящих в партизанские отряды или перешедших на нелегальное положение, и эти люди вычеркивались из книг учета, их регистрационные карточки уничтожались.

Побег из ада

Завершилась подготовка к побегу из гетто группы, которую возглавил мой папа. Трудно передать наше состояние, когда, оказавшись по ту сторону колючей проволоки. Мы стали срывать с себя ненавистные желтые латы – долгожданная минута в жизни узника гетто. Со слезами на глазах люди улыбались друг другу.

Как возликовали наши сердца, когда мы достигли Колодинского леса, что в 43 километрах от Минска. В лесу мы почувствовали себя в безопасности, возникло забытое в неволе ощущение свободы. Но стоило кому-нибудь, сидя у костра, произнести: "А каково сейчас там?" – и все сразу мрачнели.

После мартовских погромов несколько месяцев в гетто было относительно спокойно, не считая регулярных облав и арестов, но в конце июля немцы устроили чудовищную бойню, которую в своих отчетах в Берлин они называли "большой акцией". Эта кровавая акция длилась четыре дня: с 28 по 31 июля 1942 года.

Так как нас во время этого погрома, к счастью, уже не было в гетто, то сошлюсь на воспоминания очевидца, бывшего малолетнего узника гетто Фе-

ликса Липского: "Схваченных людей увозили грузовики и "душегубки". Немцы и полиция входили в каждый дом, простреливали чердачные помещения, швыряли гранаты в погреба. На улице раздавались выстрелы, были слышны стоны умирающих. Наша группа, человек 18-20, забились в тесное помещение в домике по Техническому переулку. Эта "малина", выгороженная из большой комнаты, была замаскирована и имела потайной лаз через кухонный шкафчик. "Малина" была рассчитана на 5-6 человек, там не было запасов воды и продуктов. В «малине» находились в основном женщины и дети. Мы, дети, понимали, что только в терпении и молчании наше спасение. Стояли жаркие июльские дни, мы задыхались от духоты и изнывали от жажды, наши сердца сжимались от страха близкой смерти. Взрослые, как могли, пытались облегчить страдания детей. На третьи сутки одна из женщин дала нам в стакане немного тепловатой, противного запаха и вкуса жидкости и уговорила выпить. Это была моча. К вечеру четвертого дня в гетто вернулись рабочие колонны. Из "малин" стали выбираться уцелевшие люди. Во дворах лежали сложенные штабелями трупы тех, кто был расстрелян на месте. На улицах раздавались крики и проклятья в адрес убийц. Поздним вечером пошел теплый летний дождик. По брусчатке Танковой улицы стекала вода, окрашенная кровью".

Во время этого погрома погибло 13 тысяч человек. Их общей могилой стало место близ деревни Малый Тростенец. Последние 2 тысячи узников гетто были уничтожены 21 октября 1943 года. Минское гетто прекратило свое существование, которое длилось 820 трагических и одновременно героических дней и ночей.



...Звезда в окне и на груди звезда,
И не поймешь, которая ясней,
А я устал, и, верно, неспроста
Гудят всю ночь, прощаясь, поезда,
И я прощаюсь с памятью моей...

Александр Галич

